

INSPIRIA

Влюбленная ДЖЕЙН

Рейчел Гивни

INSPIRIA

Novel. Все о Джейн Остен

Рейчел Гивни

Влюбленная Джейн

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Гивни Р.

Влюбленная Джейн / Р. Гивни — «Эксмо», 2020 — (Novel. Все о Джейн Остен)

ISBN 978-5-04-171805-3

Что, если бы Джейн Остен перенеслась в наше время... и влюбилась? Эта история повествует о легендарной английской писательнице Джейн Остен, которая отправилась в путешествие на двести лет вперед. Джейн не только находит счастье, о котором писала в своих книгах, но и оказывается перед сложным выбором: творческое наследие или любовь? «Этот роман искрит юмором и остроумием». — Грэм Симсион На дворе 1803 год. Джейн Остен двадцать восемь лет, и родители спешат выдать ее замуж. Увы и ах, молодой человек, которого прочили Джейн в женихи, делает предложение другой даме. Бежать, бежать из этого города... Джейн в отчаянии покидает родной городишко Бат и отправляется в Лондон. Местная колдунья предлагает Джейн опасную сделку: любовь в обмен на творческий дар. Волшебный заговор неосторожно срывается с губ — и на дворе век двадцать первый. Бат, наши дни. Вовсю идут съемки «Нортенгерского аббатства». Когда-то София Уэнтворт была звездой первой величины, а сегодня играет роли второго плана. Случайная встреча двух женщин из разных эпох запускает череду безумных событий, и чем дольше Джейн находится в двадцать первом веке, тем меньше в нем остается следов ее прежней жизни. Чтобы спасти свое литературное наследие, Джейн должна как можно скорее вернуться в прошлое. Главное — ни в кого не влюбиться. Рейчел Гивни — сценарист, режиссер и писатель. Родилась в Сиднее, в настоящее время живет в Мельбурне. Работала над сериалами «Такова жизнь» («Offspring»), «Воины» («The Warriors»), «Дочери Маклеода» («McLeod's Daughters»), «Спецотдел по спасению» («Rescue: Special Ops») и «Все святые» («All Saints»). Ее фильмы входили в официальную программу МКФ в Сиднее, фестивалей «Фликерфест», «Тропфест» и многих других кинофорумов. «Влюбленная Джейн» — первая книга Рейчел Гивни.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-171805-3

© Гивни Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Об авторе	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Часть вторая	38
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	56
Глава 14	59
Глава 15	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Рейчел Гивни

Влюбленная Джейн

© Николенко М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Все гении, родившиеся женщинами, потеряны для общественного блага.

Стендаль

Об авторе

Рейчел Гивни – сценарист, режиссер и писатель. Родилась в Сиднее, в настоящее время живет в Мельбурне. Работала над сериалами «Такова жизнь» («Offspring»), «Воины» («The Warriors»), «Дочери Маклеода» («McLeod's Daughters»), «Спецотдел по спасению» («Rescue: Special Ops») и «Все святые» («All Saints»). Ее фильмы входили в официальную программу МКФ в Сиднее, фестивалей «Фликерфест», «Тропфест» и многих других кинофорумов. «Влюбленная Джейн» – первая книга Рейчел Гивни.

Часть первая

Глава 1

Когда Джейн перебралась через изгородь, грязь из лужи, в которую она наступила, забрызгала ей ботинки, платье и лицо. Она помедлила секунду и спросила себя: «Не потому ли мне трудно найти мужа, что у меня такие манеры?»

В восемь часов утра Джейн прогулялась по чужому огороду, засаженному репой. Кроме этого обстоятельства имелись и другие признаки, позволявшие считать непригодность к супружеству отличительным свойством ее натуры. Перемахнув через каменную изгородь и оказавшись на соседнем поле – впрочем, это было скорее болото, чем поле (почему путь Джейн всегда пролегал через самые грязные уголки сельской Англии? Неужто грязь ее привлекала?), – она принялась составлять список причин, лишивших ее надежды выйти замуж.

Многолюдному обществу она предпочитала хорошую книгу или долгую прогулку в одиночестве. Соседи единодушно находили эти привычки весьма странными для девушки. Прически и платье она портила с одинаковой быстротой. Кольцо светло-каштановых волос, заплетенных маменькой в косу и уложенных на макушке, теперь превратилось в неряшливый узел и болталось под левым ухом. Так ли подобает выглядеть молодой особе, желающей составить хорошую партию?

Но как бы предосудительна ни была склонность Джейн к чтению, пешим прогулкам и порче причесок, все это меркло в сравнении с другим ее грехом – писательством.

Писала она не письма и не стихи (хотя и то и другое выходило у нее превосходно), а романы. Сюжет зарождался в ее воображении во время бала или в лесу, после чего она нещадно дразнила это зерно, заставляя его прорасти. Она ходила сама не своя, не в силах думать ни о чем другом, пока книга не будет написана. Пока сестры не воссоединятся, злодеи не получают по заслугам, а влюбленные не поженятся. Наконец, обогатив мир мечты своим голосом, Джейн бросала перо и засыпала с опустошенной головой, а наутро просыпалась с новым замыслом, и беспокойный труд начинался сначала. Он был для нее необходим, как дыхание.

Литературные занятия ценились гораздо ниже, чем вышивание или рисование акварелью, однако позволяли хотя бы показать, что у девушки хороший почерк. По этой причине родные Джейн на первых порах мирились с ее увлечением. К тому же историйки, которые она придумывала, были занимательны и помогали скоротать время в воскресенье между возвращением из церкви и обедом. Однако шли годы, а Джейн все не выходила замуж, и постепенно сочинительство превратилось из безобидной странности в изъясн, препятствующий верному течению женской жизни. Ведь леди книг не пишут.

Романов Джейн никто не печатал. Когда ей исполнилось девятнадцать, папенька, движимый отцовской гордостью, отправил одно из ее сочинений в Лондон издателю Томасу Кэделлу, предложив взять расходы на себя. Семейство радовалось, ожидая, что увидит свое имя на обложке книги, но через несколько недель Кэделл вместо ответа просто возвратил рукопись. Роман не заслуживал даже письменного отказа – так он оказался плох. К другим издателям Джордж Остен обращаться не стал, и Джейн спрятала свое сочинение у себя в комнате под половицами.

И все же, хоть талант ее никем не признавался, не писать она не могла. Существовали, конечно, и другие пишущие дамы, но все они считались исключениями из правила. Странными и даже нездоровыми. К примеру, Анна Радклиф, кумир Джейн, опубликовала пять романов, что было для нее позволительно, так как она не имела детей. Миссис Остен не желала своей

дочери такого будущего и потому однажды (во вторник после обеда) пригрозила предавать огню все, что та ни напишет (если это будет не список покупок).

С тех пор Джейн скрывала свое увлечение. Гуляя по лесу, она кое-как записывала мысли на клочках бумаги, а потом, когда мать уходила на рынок, собирала все воедино.

Сегодня Джейн с рассвета бродила в рощах близ Бата. О своих шансах на замужество она задумалась не случайно: менее чем через час для знакомства с нею в дом должны были явиться мистер Чарльз Уизерс (молодой джентльмен) и его отец. Этих господ она никогда прежде не встречала, однако сознавала значимость их визита. Раньше ей казалось, что в джентльменах недостатка быть не может: не на этой неделе, так на следующей придет кто-нибудь новый. Но тогда ей было двадцать, а теперь – двадцать восемь, и за последние семь месяцев ни один мужчина ее не посетил. Она даже решила, что, вероятно, уже и не посетит.

А муж был ей нужен – по двум причинам. Во-первых, не обзавестись им значило остаться старой девой, а это, в свою очередь, значило погубить свою жизнь (о чем ежедневно напоминала ей мать). Сейчас Джейн носила почетный титул второй по возрасту незамужней девицы западнее Лондона, уступая пальму первенства собственной дорогой сестре Кассандре, которая до сих пор не сделалась матерью семейства лишь потому, что ее жених скончался. Джейн такого оправдания не имела. Чем старше она становилась, тем с большим сожалением смотрели на нее родные и друзья, а жалость – не то чувство, которое часто приводит мужчин к алтарю. Если она не выйдет замуж до тридцати, все пропало.

Вторая причина касалась финансов. Когда родители покинут этот мир, небольшое состояние отца унаследует Джеймс, старший сын. Джейн будет во всем зависеть от братьев: богатых, которым нет до нее дела, и бедных, которым она более дорога. Чтобы не жить у них на содержании, она сможет зарабатывать продажей цветов, стиркой или пиратством.

Существовала и третья причина, заставлявшая Джейн думать о замужестве. Это было праздное желание – такое нелепое, что она не решалась упомянуть о нем вслух.

Ей хотелось любви.

Однако она каждый день напоминала себе, что для женщины ее положения любовь – это роскошь, и каждый раз, когда подобные мысли лезли ей в голову (а они, надо сказать, были довольно назойливы), она гнала их прочь. Что толку думать о прихотях?

Перебравшись через живую изгородь из букса, Джейн снова приземлилась в грязь, которая на сей раз забрызгала ее выше пояса. К тому же кусочек земли попал ей в глаз, а в волосах застрял листок. Она стала очень похожа на рябое яйцо. Чтобы заполучить мистера Уизерса в мужа, следовало принять кое-какие меры. С бедностью и возрастом Джейн ничего поделать не могла, но если бы ей удалось скрыть свою подлинную натуру (хотя бы на час), у нее, вероятно, появился бы маленький шанс.

Достав из кармана перо и клочок пергаментной бумаги, она составила список. Наиболее подходящей тактикой, пожалуй, была молчаливость, ведь проявление женского ума могло обеспокоить джентльменов. Если же говорить все-таки придется, она постарается ограничиться замечаниями о погоде или (еще лучше) теми неопределенными восклицаниями, которые так к лицу дамам.

Улыбаться – таков был следующий пункт в ее списке. Когда она думала, ее лицо обыкновенно принимало хмурое выражение. Ах! «Не думать», – написала она.

Заполнив клочок бумаги указаниями, адресованными самой себе, Джейн положила его в карман и покинула сомерсетские поля. Используя шпиль церкви Святого Суизина в качестве ориентира, она возвратилась в Бат – позднее, чем следовало. Ступив на мостовую, девушка вскоре заметила впереди себя спину седовласого джентльмена.

– Папа, какие дела привели вас в эту часть города? – спросила Джейн, пряча список поглубже.

Отец обернулся. Его голубые глаза засветились.

– Я наслаждался чудесным сомерсетским воздухом, – сказал он, – и, видимо, заблудился. Проводишь старика до дому?

– С удовольствием.

Джейн погладила отцовскую руку. Годы служения в холодных церквях не пощадили позвоночник Джорджа Остена. Он не мог пройти больше пятидесяти ярдов, не бранясь. Поэтому дочь, конечно же, поняла: он не просто прогуливался, а разыскивал ее. Хотел удостовериться, что она не утонула в грязи полей.

Отец не стал торопить Джейн и не напомнил ей о визите господ Уизерсов. Преодолев семидесятилетний рубеж, он все еще был красив, как на том своем портрете, для которого позировал, будучи молодым священником. Сегодня его длинные седые волосы, собранные сзади, украшала голубая ленточка, привезенная Джейн из Кента. Он редко ее носил, говоря, что она слишком нарядна для будней. Джейн немного обижалась, хотя и не показывала виду. Сегодня лента была извлечена из шкатулки. По-видимому, отец хотел завоевать расположение дочери, что ему вполне удалось.

Идя домой, они прошли по Столл-стрит, мимо Насосной залы – величественного здания медового цвета с колоннадой, напоминавшей портик древнегреческого храма. Женщина в изумрудном плаще остановилась на тротуаре и подняла голову, как будто вознося молитву. Джейн нахмурилась. Такие сцены были здесь отнюдь не редки, ибо Насосная зала и в самом деле являла собой храм, достойный поклонения. В этих стенах не только пили чай и целительную воду, не только плели интриги. За этими колоннами обсуждались условия самых блестящих брачных договоров Англии. Джейн никогда сюда не входила: ее, одинокую, быстро стареющую женщину, встретили бы не многим более радушно, чем прокаженного.

Она ненавидела город, в котором жила. Родители переехали в Бат, когда отец оставил служение и семье пришлось покинуть уютный пасторский дом в Гемпшире. Если раньше Джейн окружала тишь зеленых полей, то теперь ей на смену пришли туманы и сплетни. Родители утверждали, будто переезд на запад благотворен для здоровья отца (и соседи, и газеты наперебой восхваляли целебные свойства минеральных вод), но Джейн подозревала другую причину. В свое время Джордж и Кассандра Остен познакомились в Бате, а теперь две их дочери стремительно приближались к стародевичеству. Вероятно, переселение было затеяно не ради пищеварения преподобного, но ради последней отчаянной попытки сбить с рук отпрысков женского пола. Если семейство еще могло надеяться на эти счастливые события, то где же им было произойти, как не в Бате – брачной столице Англии, городе, где поженились маменька и папенька?

Однако два года пролетели, а ни Джейн, ни Кассандра замуж не вышли. Никто к ним не посватался, хотя вокруг них, в чайных и бальных залах, совершались тысячи помолвок. Только в прошлом месяце три соседки стали невестами. До того, как это произошло, их женихи были представлены Кассандре и Джейн, но ни один не нанес сестрам повторного визита.

Джейн, отведя взгляд, обошла женщину в зеленом плаще, продолжавшую молиться перед Насосной залой. Сама она, Джейн, была хотя бы не такой чудачкой – или, во всяком случае, надеялась на это.

Глава 2

Из всего того, за что Джейн «обожала» Бат, наибольшее наслаждение доставляли ей соседи. Обитатели Сидни-Хауса были сплошь добрейшими людьми, всегда готовыми поведать вам о невзгодах других жителей. Одна из этих отзывчивых душ, леди Джонстоун, приветствовала Остенов у парадной лестницы.

– Сегодня вы ожидаете мистера Уизерса из Кента и его сына, – сказала она. На ней была длинная накидка со многими складками. Если этой даме хотелось, чтобы обилие ткани, покрывающей ее тело, красноречиво свидетельствовало о богатстве мужа, то это ей удалось. Поигрывая ридикюльчиком, она нарочно держала его так, чтобы французский шелк переливался на солнце. – На мистере Уизерсе синий сюртук. Пуговицы меньше, чем я ожидала. Боюсь, вы опаздываете: джентльмены, наверное, уже заметили ваше отсутствие, – произнесла леди Джонстоун с самым что ни на есть сердечным участием.

Она до сих пор пудрила волосы, хоть это вышло из моды лет двадцать назад, и пока она говорила, белая пыльца с ее прически сыпалась на руку Джейн.

– Спасибо, леди Джонстоун, – сказал преподобный. – Вы очень к нам добры. Премилая сумочка, сударыня. Это ваше новое приобретение?

Джейн раскрыла рот, чтобы произнести нечто менее дипломатичное, но отец увлек ее вверх по лестнице. Как только они вошли в свои комнаты, она быстро переменила платье и умылась, после чего миссис Остен потащила дочь и мужа в гостиную.

– Мистер Уизерс с сыном уже здесь. Ждут, – прошептала маменька (когда поблизости оказывались приличные мужчины, она всегда разговаривала шепотом).

Ветер, гулявший по коридору, приоткрыл дверь комнаты. Джейн неслышно подошла и, заглянув в щелку, сделала глубокий вдох.

– Ну как он тебе, Джейн? – спросил отец.

«Джейн Уизерс», – подумала она. Ей не верилось, что мужчина, которого она видит, действительно стоит в ее гостиной. Последний кавалер, переступавший порог жилища Остенов, был похож на вареное яйцо. Но как сваха умудрилась заманить сюда это восхитительное изваяние?... Чтобы поглядеть в окно, мистеру Уизерсу приходилось пригибать голову. Плечи у него были вдвое шире, чем у мужчин заурядного телосложения. Он улыбался, когда смотрел на улицу, и улыбался, когда говорил с отцом, который стоял рядом. Насколько Джейн могла судить, молодой джентльмен был улыбчив.

Когда мистер Уизерс повернулся, чтобы указать на что-то увиденное в окне, одинокий луч английского солнца позолотил его каштановые волосы. У Джейн перехватило дыхание. Казалось, сам архангел Гавриил сошел с облака в ее гостиную.

Обуздав ликование, Джейн испытала более уместное чувство – тревогу. Сваха снова ошиблась. Если раньше она брала слишком низко, присылая болванов и крикунов, то теперьхватила чересчур высоко. Джейн подсчитала очки мистера Уизерса, приняв во внимание его наружность, финансы и положение в обществе. Сумма не сходилась с ее собственной. Едва ли этого далеко не бедного Адониса, при его-то возможностях по части выбора невест, заинтересует стареющая бесприданница, которая к тому же пишет романы.

Джейн поглядела на свое отражение в зеркале. Сняв забрызганный грязью плащ, она торопливо сменила перепачканные ботинки на шелковые туфли и надела лучшее платье, однако даже оно казалось рубищем в сравнении с первоклассным сукном сюртука мистера Уизерса. Джейн ахнула, взглянув на худшую часть себя. Волосы! Заплетенный матерью греческий узел превратился в птичье гнездо!

– Может быть, вот это, что висит слева, слегка подтянуть наверх? – участливо предложил преподобный.

Дочь хотела последовать его совету, но маменька хлопнула ее по руке.

– Не трогай! Только хуже сделаешь! – Схватив голову Джейн, миссис Остен выдернула запутавшийся в волосах листок и ловко, хотя и болезненно, возвратила дочерней прическе пристойный вид. – Дай-ка я на тебя посмотрю!

Мать сделала шаг назад, окинула Джейн взглядом и, фыркнув, нахмурилась.

Миссис Остен происходила из довольно состоятельного семейства. Среди ее родственников были титулованные особы, но она порвала эти связи, выйдя замуж за сельского священника. За годы жизни в тихом приходе ее состояние и положение в обществе сделались настолько скромными, что теперь она хранила лишь одно свидетельство своей безбедной юности – массивный золотой медальон на цепочке, по сравнению с которым латунные украшения, купленные в замужестве, казались дешевыми побрякушками. В 1600 году бабушка миссис Остен, баронесса, приобрела эту вещь за сказочную сумму, и с тех пор ценность медальона только возросла. Внучка гордо носила его на шее и каждое воскресенье натирала кусочком шелка.

– Послушай, Джейн, – сказала миссис Остен, взяв дочь за плечи. – Будь с этим мужчиной весела и кокетлива. Не говори с ним о книгах и политике, не заставляй его чувствовать себя глупым. Синие чулки никому не нужны.

Джейн мысленно вспыхнула. Она бы поспорила с матерью, если бы сама давеча не говорила себе того же.

– Да, мама, – промолвила она. – Я постараюсь прикинуться дурочкой.

Отец дотронулся до ее руки:

– Все будет хорошо, Джейн.

Джейн кивнула. С полным сознанием серьезности положения, оставив за дверью огорчение и тревогу, все трое вздохнули и вошли в гостиную.

Преподобный, войдя первым, приветствовал мистера Уизерса и его сына Чарльза. Последовала процедура знакомства, в течение которой Остены пребывали в оцепенении. Даже маменька притихла, ошеломленная богатством и красотой молодого джентльмена. Прошло целых семь минут, прежде чем она начала перечислять дома, принадлежащие ее сыну Эдварду, заполняя промежутки вежливо-бессмысленной болтовней (в этом ей не было равных).

Сегодня Джейн, вопреки обыкновению, благословляла материнскую разговорчивость, отвлекавшую внимание предполагаемого жениха от нее самой. Она же избрала своим занятием тщательное избегание его взгляда: рассмотрев ее как следует, он мог броситься наутек и добегать до самого Йоркшира. Поэтому лучше было пересчитывать половицы. Когда же Джейн наконец отважилась украдкой взглянуть в сторону молодого джентльмена, он, к ее величайшему удивлению, ей улыбался.

– Полагаю, мистер Уизерс, вы натуралист, – обратилась миссис Остен к старшему из гостей.

– Вы правы, – подтвердил тот. – Я увлекаюсь ботаникой, правда, всего лишь как дилетант.

– В саду близ нашего дома есть куст роз, сорт которых я никак не могу определить, – промолвила миссис Остен. – Не поможете ли вы мне?

Мистер Уизерс-старший выразил согласие, и все пятеро отправились в Сидни-Гарденз. Джейн знала, что сорт, который имеет в виду ее маменька, называется «Королева Мария», и на известковой почве Бата этот цветок весьма распространен. Маменька тоже это знала.

– Видите, мистер Уизерс, вон там, у садовой ограды, розовый бутон? – спросила миссис Остен, как только они вышли из дому.

– Не вижу, сударыня, – отвечал пожилой джентльмен. – Да и неудивительно: сейчас ведь только март.

Сад, где из голой земли торчали палки, напоминал кладбище, но миссис Остен не отступала от своего плана.

– В таком случае, – сказала она, – не согласитесь ли вы подойти со мною поближе? Вероятно, мы все же отыщем тот куст.

И она увела обоих отцов, оставив детей вдвоем.

Джейн охватил страх: придется вести беседу, а значит, скоро все будет безнадежно испорчено.

Молча шагая с мистером Уизерсом по тропинке, она изо всех сил старалась придумать какое-нибудь легковесное замечание. Может, заговорить о погоде? Кажется, дождь перестал. Не зная, как подступить к этому предмету, чтобы разговор вышел достаточно кокетливым, Джейн уже готова была впасть в отчаяние, когда Чарльз Уизерс повернул голову и улыбнулся.

– Вы когда-нибудь брали минеральные воды, мисс Джейн? – спросил он.

Она предпочла бы ответить, не раскрывая рта, однако прибегнуть к словам все же пришлось.

– Нет, сэр, никогда.

Известные с древнейших времен минеральные воды били из-под земли, наполняя собою бассейн в самом центре города. Король Георг пил их, и они излечили его от подагры. После этого чуда люди стали отовсюду съезжаться к целебному источнику. Чтобы изысканная публика могла поправлять здоровье в подобающей обстановке, Джон Болдуин устроил близ священной Насосной залы великолепную чайную комнату. Из всех, кого Джейн знала, там побывал только один человек – Маргарет, служанка Остенов. После долгих расспросов девушка призналась, что отдала недельное жалованье за ложечку воды с известковым вкусом, которую выплюнула, как только подруги отвернулись. Дескать, секунду-другую подержав эту жидкость во рту, она успела вполне оздоровиться.

– А знаете ли вы, что это такое – брать воды? – спросил мистер Уизерс. – Я в Бате уже три дня и все это время притворялся, будто знаю. А теперь уж совестно спрашивать.

Он поправил пуговицу на сюртуке. Джейн остановилась: неужели этот красивый мужчина пытается ее рассмешить? Желая проверить свою догадку, она осторожно промолвила:

– А сами вы как думаете, сэр? Что это по-вашему?

– Я так себе представляю: врывается человек под покровом ночи в Насосную залу, набирает воды столько, сколько может унести в карманах, и бежит прочь.

Он улыбнулся. Джейн, сглотнув, ответила:

– Вы слишком скромны, мистер Уизерс, и потому изображаете неведение. Все происходит именно так, как вы сказали.

– А всякую ли воду можно брать? – спросил он. – Подойдет ли, к примеру, содержимое моей ванны либо какой-нибудь лужицы или же волшебными свойствами обладает лишь та влага, что течет из краника в Насосной зале?

– Боюсь, чудотворна только та вода, за которую приходится платить.

– Но ее ведь можно украсть!

– Разумеется.

Джейн не сдержала осторожной улыбки.

– Тогда мне понадобится сообщник. Не окажете ли вы мне такую честь?

С тех пор как джентльмен в последний раз просил Джейн составить ему компанию, прошло столько времени, что теперь она чуть не пропустила приглашение мимо ушей.

– С удовольствием, – опомнилась она и снова улыбнулась.

Больше этого делать не следовало: двух улыбок было вполне довольно. Иначе она могла бы обвинить себя в приятном времяпрепровождении.

– Завтра я должен ехать по делам в Бристоль. Может быть, послезавтра? – сказал мистер Уизерс.

Из дальнейшей беседы выяснилось, к ужасу Джейн, что он восхищается ее любимой книгой – «Сесилией»¹. Она встревожилась, заметив, насколько ей приятно общество этого мужчины. Она разделяла его вкусы и понимала насмешливое отношение к порядкам, царившим в Бате. Поскольку недостаточная величина пуговиц оказалась единственным изъяном мистера Уизерса, у Джейн не оставалось выбора: он ей понравился.

Дети воссоединились с родителями, и вся компания вернулась в дом. Джейн и ее матушка согласились через два дня посетить Насосную залу. Уизерсы откланялись самым любезным образом, и Остены проводили их до двуколки, благодаря чему маменька Джейн имела удовольствие помахать рукой леди Джонстоун, наблюдавшей сцену прощания из-за занавески.

---

¹ «Сесилия: Мемуары наследницы» (*Cecilia: Memoirs of an Heiress*, 1782) – роман английской писательницы Фрэнсис Берни. (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 3

Следующим утром Джейн получила письмо от сестры. «Дорогая Джейн, – писала она. – Как давно мы с тобою не виделись! Не сомневаюсь, что я многое пропустила и Бат тоскует по мне так же, как я по нему».

Это была излюбленная шутка Кассандры. Жизнь сестер в Бате была скучнее воскресных проповедей брата Джеймса. Все их время заполняла, будто пар, пустая болтовня: приходилось встречаться с недалекими людьми, которые, пробыв на водах неделю, уезжали домой. Однако сегодня у Джейн была настоящая новость, и ей очень хотелось поделиться ею с сестрой. Двенадцать дней назад та уехала к брату Эдварду, чтобы помочь его жене, ожидавшей восьмого ребенка. Кассандра не хотела оставлять Джейн, боясь, как бы та не исчезла в тумане во время одной из своих прогулок (такое казалось вполне возможным), но Джейн убедила Кассандру ехать: ее внутренние борения были ничто в сравнении с благополучным появлением на свет очередного маленького Остена. А новость можно сообщить и в письме: то-то сестра обрадуется!

Джейн пристроилась к маленькому столику у окна гостиной, где накануне стоял мистер Уизерс, и принялась набрасывать ответ. «Моя дорогая Кассандра! – нацарапала она отцовским пером на пергаментной бумаге. – Тебе лучше сесть, милая сестрица: у меня новости из Бата». Джейн обмакнула перо в чернильницу, чтобы написать о мистере Уизерсе, о его сюртуке и о леди Джонстоун, но нужные слова не шли на ум. Капля чернил упала на лист.

Джейн почувствовала себя глупой. В свете нового дня вчерашние надежды показались ей смехотворными. Мистер Уизерс всего лишь улыбнулся ей и предложил выпить минеральной воды, а она, будучи в отчаянном положении, мысленно раздула эти крупички внимания до размеров настоящей любви. Наверняка он только из милосердия пригласил ее в Насосную залу. Проклиная свою склонность грезить наяву, Джейн отложила перо.

– Что ты там пишешь? – спросила маменька, войдя в гостиную. – Не роман, надеюсь?

Она вырвала начатое письмо из рук Джейн и прочла написанное.

– Нет, мама.

С недоверием покосившись на листок, миссис Остен произнесла:

– Повторяю тебе, что намерена жечь все романы, какие только найду. Сейчас я серьезна как никогда, ведь у тебя появился твой мистер Уизерс.

– Мистер Уизерс не мой, мама.

Миссис Остен положила листок на стол.

– Написать сестре можно и после. А сейчас идем, нам пора в город.

* * *

Когда они с маменькой, пройдя по мосту Палтни, направлялись к центру Бата, Джейн заметила нечто удивительное. Обыкновенно люди, которые встречались ей на пути, не обращали на нее никакого внимания или же качали головами. Теперь одна дама широко улыбнулась и сказала: «Доброе утро, Джейн!» За этим странным приветствием последовали другие, столь же радужные. Мать и дочь шли по мощенной булыжником улице, и едва ли не все женщины, стоявшие у дверей лавок или выходившие из церкви, махали им и улыбались. Миссис Остен, счастливая, взяла Джейн под руку.

– С чего вдруг все стали такими любезными, мама? Эти улыбки меня пугают...

– Ах, полно тебе, – отвечала маменька. – Они рады за нас.

Джейн остановилась и повернулась к матери:

– Мама, скольким людям вы рассказали про мистера Уизерса?

– Почти никому! – воскликнула миссис Остен и взмахнула рукой так, будто отгоняла муху. – Да и что здесь такого? К чему скрывать хорошие новости?

– Меня всего лишь пригласили выпить минеральной воды.

– Какие глупости ты иногда говоришь! – сказала маменька и потащила дочь дальше: по Столл-стрит, затем налево.

Добрая половина населения Бата продолжала, точно стрелами, осыпать Джейн приветственными улыбками.

Миссис Остен остановилась в конце улицы Вестгейт перед вывеской «*Maison Du Bois*»². Это была модная лавка. Сперва Джейн подумала, что у маменьки просто развязался шнурок на ботинке, но та повернулась с явным намерением войти.

– Мама, вы не сошли с ума?

В этой лавке продавались самые дорогие наряды в Бате, если не во всей Англии. Местные жительницы редко сюда заходили. Здесь ждали богатых лондонцев и знать из окрестных поместий, приезжавшую в Бат за покупками. А однажды маленькая принцесса Шарлотта привела в смятение хранителя королевской казны, заказав в этой лавке весь гардероб: платьица, перчатки, шляпки и туфли (все это специально для нее доставили из Парижа).

Миссис Остен вошла вместе с дочерью. Как ни странно, дверь никто не охранял. Джейн ожидала увидеть у входа вооруженных часовых, отгоняющих непрошенных посетительниц вроде нее самой и ее маменьки – нетитулованных, в запачканных сажей ботинках. Однако они обе беспрепятственно проникли в этот модный храм, с порога поражающий своим великолепием: на потолке цвели лепные розы, на полированном карнизе каждого шкафчика блестела латунь. Гигантская дубовая лестница вела куда-то вверх – вероятно, прямо на небеса. За стеклами красовались кремовые шарфики из шелка и дамаста, шляпки цвета лимона, невесомые туфельки цвета персика и шали, словно вытканые из чистого золота. Всюду были развешены платья. Джейн показалось, будто она вошла в кондитерскую, а не в модную лавку.

– Какое ужасное место! – сказала она. – Идемте скорее отсюда.

– Вот так, наверное, и выглядит рай! – прошептала миссис Остен.

Продавец хмуро поглядел на них из-за прилавка.

– Вы заблудились?

Оглядев посетительниц с головы до ног, он едва ли попытался скрыть неудовольствие. Джейн кивнула и направилась к выходу.

– Идемте, мама.

Но мать как ни в чем не бывало обратилась к продавцу:

– Здесь продаются платья, не так ли, сэр?

– Как видите, мадам. Дорогие.

– Прекрасно, – сказала миссис Остен, кивнув. – Нам такое и нужно.

– Мама, нет! – воскликнула Джейн.

– Не перечь матери, не то получишь пощечину.

– Известно ли вам, мадам, – вмешался продавец, презрительно глядя на миссис Остен, – что однажды в этом магазине была изготовлена шляпка для самой Марии-Антуанетты?

– Надеюсь, до того, как она лишилась головы?

При этих словах миссис Остен склонила голову набок и приподняла бровь. У Джейн потеплело на сердце: ее маменька умела быть остроумной, когда считала это полезным. Продавец негодуяще разинул рот, но быстро нашелся:

– Мы изготавливаем и доставляем из-за границы изысканнейшие туалеты для самых высокопоставленных клиентов.

– Рада это слышать. Покажите, что у вас есть для моей дочери.

---

² Домик в лесу (фр.).

Миссис Остен скрестила руки на груди. Положение казалось безвыходным: покупательница не желала уходить, а продавец не желал ее обслуживать. Наконец здравый смысл подсказал ему, что у нее стойкости больше. Ухмыльнувшись, он вышел из-за прилавка и склонился перед Джейн, чтобы снять мерки.

Процедура была проделана с большой важностью. Измеряя при помощи ленты руки и талию клиентки, продавец качал головой, шелкал языком и что-то бормотал себе под нос, словно всякая цифра удивляла его, хотя пропорции Джейн были вполне изящны. Беспристрастный судья назвал бы ее фигуру стройной. Покончив с измерениями, продавец глубоко вздохнул, удалился куда-то в недра магазина и вынес оттуда одно-единственное платье на шелковой вешалке.

– Вот все, что у нас есть подходящего размера, – заявил он.

Джейн ахнула:

– Мама!

Над нарядом, который они увидели, не меньше месяца с любовью трудились чьи-то умелые руки. Под светлой шелковой накидкой белело платье из муслина костяного цвета. По подолу спускались золотые ленты, на которых мастерица вышила розы, да так искусно, что Джейн различала листочки и лепестки каждого цветка. Сотни часов какая-то прилежная женщина работала крошечной иглой и тончайшей нитью, склонившись над столом в продуваемой ветрами мастерской на левом берегу. Накидка была украшена десятью рядами плетеного шнура, что придавало наряду некоторое сходство с военным мундиром. Эта деталь особенно понравилась Джейн, напомнив ей о братьях Фрэнке и Чарльзе: они были офицерами, служили во флоте, и, наверное, их форменные куртки, в которых они плыли вдоль испанского побережья, тоже украшал позумент.

– Какое оно светлое, – выдохнула Джейн, проведя рукой по воздушной ткани. – Я запачкаю его на первой же утренней прогулке.

– Чем платье белее, тем лучше, – наставительно произнес продавец. – Такие туалеты не для пешей ходьбы, а для езды в экипаже.

Он протянул руку, чтобы забрать наряд, однако миссис Остен не позволила ему это сделать.

– Примерь, – велела она дочери.

Джейн попыталась воспротивиться, опасаясь, что первое же прикосновение ее пальцев испортит драгоценную вещь, но, снова прочтя на лице матери угрозу насилия, подчинилась. Когда она вышла из-за китайской ширмы, миссис Остен воскликнула:

– Боже мой!

– Что такое, мама? Плохо сидит?

– Джейн... – Мать замолчала, и на ее лице появилось выражение, которого дочь прежде не видела. – Ты прекрасна.

Джейн усмехнулась. Маменька никогда не говорила ей такого. Да и никто не говорил.

Посмотрев на себя в зеркало, она застыла. Костяная белизна ткани усиливала золотистый блеск светло-карих глаз, подчеркивала румянец. Впервые в жизни увидев себя такой, Джейн расправила плечи, как того требовал великолепный наряд.

– Сколько стоит? – спросила миссис Остен.

– Двадцать фунтов, – ответил продавец с торжествующей улыбкой.

Маменька взялась за ридикюль.

– Мы покупаем.

– Мама, нет, – сказала Джейн.

Двадцати фунтов Остенам хватило бы, чтобы оплатить квартиру на шесть месяцев вперед. У матери не могло быть такой суммы. И все же она достала банкноту из ридикюля.

– Откуда у вас такие деньги? – спросила Джейн и только теперь заметила перемену: на маменькиной груди не было всегдашнего золотого украшения. – Мама, а где же медальон баронессы?

Белая кожа, привыкшая к тяжести драгоценного металла, теперь казалась трогательно беззащитной. Видеть мать без цепочки с семейной реликвией было для Джейн так же странно, как если бы она стояла перед ней голая. Миссис Остен дотронулась до ничем не отягощенной шеи, но тут же убрала ладонь.

– Раз мою дочь пригласили в Насосную залу, она отправится туда в подобающем виде.

Джейн, охнув, покачала головой:

– Мама...

– Послушай меня. Это упростит дело. Особенно для твоего отца. Так все будут видеть, что мы не нищие. – При этих словах она подняла подбородок.

– Мама, вы же так любили бабушкин медальон!

Миссис Остен слегка поморщилась:

– Я сама виновата, Джейн. Позволяла тебе сидеть с отцом и читать, вместо того чтобы возить тебя на балы и вечера. Ты ведь даже чай заваривать не научилась.

– Я умею заваривать чай.

– Ты делаешь это очень дурно. У тебя получается отвар со вкусом олова. Будь я с тобою построже, ты приучилась бы подавать себя в выгодном свете и была бы давно замужем. А я позволила тебе одичать. Так дай я хотя бы куплю для тебя платье.

Джейн подумала о той радости, которую доставляло ей ее одичание. Потом опять поглядела на голую маменькину шею и покачала головой. Мать и дочь никогда не понимали друг друга.

– Хорошо, мама.

Миссис Остен улыбнулась, но в следующую же секунду снова нахмурилась. Жестом велев Джейн идти переодеваться, она протянула банкноту продавцу. Он, осклабившись, схватил деньги и только потом взял у покупательницы товар, чтобы его завернуть.

Так Джейн стала обладательницей белого платья – прекраснейшей из всех вещей, которыми она когда-либо владела.

Глава 4

Приближаясь к Сидни-Хаусу, маменька с дочерью издали заметили у подъезда эффектную фигуру тридцатилетнего мужчины с волосами цвета подсолнечника, перехваченными черной лентой. Удивленно ахнув, Джейн крикнула брату:

– Здравствуй, Генри!

– Здравствуй, Джейн! – ответил он с улыбкой.

На его руке покоилась рука жены Элизы.

– *Bonjour*, Джейн, – проговорила она.

– Я думала, вы пробудете у Досонов до четверга, – сказала Джейн.

Брат и невестка, гостившие у друзей в Корнуолле, должны были заехать в Бат только на следующей неделе, на обратном пути в Лондон.

Генри помотал головой:

– Мама написала нам и потребовала, чтобы мы немедленно изменили планы. Завтра мы идем с тобой в Насосную залу. Ужасно за тебя рады, Джейн! Это и в самом деле прекрасная новость.

– Да уж! – гордо согласилась миссис Остен. – Это поважнее, чем какой-то глупый Роберт Досон.

– Мама, нет! – вскричала Джейн, и в ее голосе прозвучали панические нотки. Она предчувствовала катастрофу. – Мы слишком торопимся! Я видела этого человека всего раз!

– Послушай, сестрица, – улыбнулся Генри. – Тебя пригласили в Насосную залу. А это место, где все обручаются. Ни за чем другим туда не ходят. Разве только кто-нибудь захочет пить отвратительную соленую воду! – Он рассмеялся, и его белые зубы сверкнули в ярком дневном свете. – К тому же ты Джейн Остен, самая очаровательная и умная из всех знакомых мне женщин. Кому как не тебе стать лучшей на свете женой и матерью! – Посмотрев на жену, Генри прибавил: – Прости, дорогая.

– Не нужно извиняться, – мягко возразила Элиза на родном французском языке. Она не говорила, а мурлыкала, источая экзотическое обаяние, подражать которому Джейн даже не пыталась, так как не желала иметь глупый вид. – Я согласна с тобой, – кивнула Элиза, обращаясь к мужу, после чего улыбнулась Джейн и прибавила: – Тем паче что у тебя новое платье. Теперь перед тобой ни один мужчина не устоит.

Они отобедали все вместе. Мама шутила, а папа поставил на стол бутылку вина, полученную в подарок от одного богатого прихожанина еще в Гемпшире.

– Как поживает Дарси? – спросил вдруг Генри, когда застолье было в разгаре, и, задорно улыбнувшись Джейн, отправил в рот кусочек ягнятины.

За столом мгновенно воцарилась тишина. Все знали о том, как миссис Остен относится к литературным занятиям дочери, но бунтарь Генри любил подразнить маменьку. Все устремили на нее ожидающие взгляды. Однако если кто-то хотел увидеть вспышку гнева, то его постигло разочарование. Вместо того чтобы раскричаться, мать семейства улыбнулась:

– Сегодня, Генри, ты меня не рассердишь, даже не старайся. Когда Джейн выйдет замуж, она будет вольна писать столько, сколько ее душе угодно.

Генри рассмеялся и захлопал в ладоши. Остальные к нему присоединились. Впервые за несколько лет в доме воцарилась необычная атмосфера – атмосфера счастья. Генри смешил всех рассказами о чудаках, с которыми ему приходилось иметь дело в своем банке. Элиза играла на фортепьяно, а преподобный Остен, обыкновенно скованный застенчивостью, даже подпел ей, чем удивил и обрадовал Джейн. Маменька, слегка раскрасневшаяся от вина, прямо-таки светилась, то и дело издавая приглушенные возгласы восторга.

Только теперь Джейн поняла, какой унылой была прежняя жизнь семьи Остенов. Сейчас все изменилось – благодаря ей или ее удаче в любви. Она сглотнула, с волнением почувствовав, как сильно зависит счастье родителей от того, замужем ли она или нет. Попросив извинения, Джейн вышла на лестницу, где уже стоял Генри. Он еще раз обнял ее.

– До чего же я рад за тебя, сестрица!

– Генри, это все так внезапно... – возразила она, но он прервал ее:

– Брось, Джейн. Я знаю старика Уизерса. Он был моим партнером в делах. Они, Уизерсы, разумные люди, а чтобы тебя упустить, нужно быть глупцом. Пришло твое время, сестра. Хочешь ты или нет, а придется тебе быть счастливой. Впрочем, ты еще успеешь свыкнуться с этой мыслью.

Генри широко улыбнулся. Он всегда улыбался. Такой уж у него был нрав. Джейн кивнула, позволив брату оставить за собой последнее слово в споре.

Когда миссис Остен предложила семейству прогуляться, как было заведено у них еще в Гемпшире, все с радостью согласилось: надели пальто и вышли на прохладный вечерний воздух.

Генри с Элизой шагали парой впереди всех. Миссис Остен, выпустив руку мужа, приблизилась к Джейн, которая шла одна, и принялась излагать ей хитроумные планы, способные романтическим образом подтолкнуть мужчину к обручению. Например, Джейн могла упасть в реку или в медвежью яму: тогда мистер Уизерс был бы обязан ее спасти и жениться на ней. Джейн ответила, что едва ли сумеет отыскать в Сомерсете медвежью яму, но маменьку это не смутило. Не ослабляя натиска, она представила дочери список очаровательных словечек, которые следует шептать мужчине в ухо, а также перечень причесок, которые его покорят. Обыкновенно в таких случаях Джейн пыталась спорить, но сейчас лишь одобрительно улыбалась в ответ на каждую маменькину идею. Рассеянно слушая, она думала о давешних словах Генри и потихоньку начинала им верить.

– Вон мисс Харвуд. Поздороваемся с ней, – сказала миссис Остен, когда они вышли на Чип-стрит.

Хрупкая седовласая женщина в чиненых перчатках помахала им с порога своего дома.

– Пожалуйста, мама, не нужно! – взмолилась Джейн, однако маменька уже приблизилась к своей знакомке и пожелала ей доброго вечера.

– Я не заметила, как вы подошли, – промолвила мисс Харвуд. – Весь вечер в хлопотах. Впрочем, полагаю, у меня найдется чай и немного пирога.

Она сделала вид, будто собирается войти в дом.

– Спасибо, – остановила ее миссис Остен. – Нам уже пора возвращаться. Мы только хотели узнать, как у вас обстоит дело с запасом угля.

Мисс Харвуд улыбнулась:

– У меня вполне достаточно угля, сударыня. Тем более что я в нем не нуждаюсь.

Она плотнее закуталась в шаль.

– Как? Вы разве не топите камин? – спросила миссис Остен. – Вчера были заморозки, и сегодня ночью снова...

Заметив, что Генри и Элиза, остановившиеся у моста, смотрят на нее, мисс Харвуд потупилась:

– Я не трачу уголь, когда в доме, кроме меня, никого нет.

– А сколько же его у вас?

– Три.

– Три мешка? Это и впрямь немало.

– Да нет же, просто три.

– Неужели всего три куска? – догадалась Джейн, а ее мать тут же спросила:

– Разве ваш брат не приехал на прошлой неделе?

– Сэмюэль – важный человек, сударыня. У него много дел, – возразила мисс Харвуд, гордо подняв голову.

– Приходите в Сидни-Хаус, и Маргарет даст вам четыре мешка, – сказала миссис Остен. – В уплату я попрошу у вас одну из ваших картин.

– Договорились! – обрадованно воскликнула мисс Харвуд. – Это будет вид на мост Палтни!

Миссис Остен похвалила художницу за оригинальность замысла и прибавила:

– Только, пожалуйста, не перетруждайте рук.

Взгляд мисс Харвуд встретился со взглядом Джейн. Она отвела глаза.

– Не посмотрите ли вы на мой камин, миссис Остен? Мне кажется, в трубе что-то застряло.

– Конечно, – ответила пасторша и, пригнувшись, исчезла в дверном проеме.

Воспользовавшись этим, мисс Харвуд схватила Джейн за руку.

– Я слышала, завтра вас ждут в Насосной зале. Если из этого ничего не выйдет, разыщите меня, – прошептала пожилая дама и привлекла Джейн еще ближе.

Та отстранилась. Услышанное ею было так странно, что она подумала, будто ослышалась.

– Простите, мисс Харвуд, я вас не понимаю.

Джейн опасливо огляделась. Лучше бы на них сейчас никто не смотрел.

– Это не единственный путь, – произнесла седовласая леди и так энергично встряхнула руку своей собеседницы, что вовсе оторвала бы ее, если бы не столь сильно походила на воровку крепостью своего телосложения.

– Мне больно, мисс Харвуд.

– По-вашему, я жалкая? Жалкая и смешная?

– Нет, – солгала Джейн.

– Девушки вроде нас с вами должны держаться вместе, – проговорила мисс Харвуд, и Джейн пристально поглядела ей в лицо. Немолодые глаза бежали из стороны в сторону. Из-под шляпки выбилась прядь седых волос. Мисс Харвуд, громко дунув, убрала прядь с лица и требовательно сказала: – Обещайте, что зайдете ко мне.

Джейн обещала, и это странное обещание звенело в ее ушах, пока семейство, повернув домой, пересекало Эйвон по тому самому мосту, который мисс Харвуд грозила нарисовать за четыре мешка угля.

Глава 5

Следующим утром, когда Джейн сошла вниз и родные принялись восхищаться ее платьем, ко всеобщему удивлению, зазвонил дверной колокольчик.

– Кто бы это мог быть?! – воскликнула миссис Остен. – В такой момент! Кажется, всем нашим знакомым известно, что нас ждут в Насосной зале.

Маргарет открыла дверь и, возвратившись, объявила:

– К вам леди Джонстоун, мэм.

Все переглянулись и пожали плечами, подумав одно и то же: «С чего это соседка явилась именно сейчас?»

Бросив Маргарет свое пальто, леди Джонстоун вошла. Миссис Остен сделала реверанс.

– Леди Джонстоун! По какой причине вы доставили нам такую радость?

– Неужели нельзя просто выпить чаю с ближайшими соседями, не возбуждая подозрений? – негодующе ответила непрощенная гостья.

Вдова адвоката из Патни, который сделал карьеру и приобрел рыцарское звание, леди Джонстоун никогда прежде не снисходила до чаепития в обществе Остенов, хотя они обитали в Сидни-Хаусе не первый день. И именно сегодня она решила оказать им такую честь.

– Что вы, что вы, сударыня! Просто нынче утром нас ждут в городе, и нам не хотелось бы принимать вас в спешке. Это мой сын Генри, он владеет банком в Лондоне. А это его жена Элиза.

Генри поклонился, Элиза присела. Леди Джонстоун кивнула, прикрыв глаза.

– Я слышала о вашем маленьком дельце. Вероятно, вы знали моего покойного супруга, лорда Джонстоуна из Патни?

– Да, миледи, знал, – ответил Генри.

– Быть может, миледи, вы предпочли бы зайти к нам после обеда, когда мы будем полностью в вашем распоряжении? – пробормотала миссис Остен торопливо.

– Глупости. Я пью чай быстро, и мне ничего не нужно, кроме разве что ломтика пирога. Это и десяти минут не займет, – на ходу возразила гостья, уже устремившаяся в глубь коридора.

Преподобный Остен бросил взгляд на дедовские часы в передней и почесал затылок.

– Я имею удовольствие быть знакомой с мистером Уизерсом из Кента, – сказала леди Джонстоун, входя в гостиную.

Семейство последовало за ней.

– В самом деле, – заметила миссис Остен, – он замечательный молодой человек.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил преподобный, хотя гостья уже расположилась в его кресле.

Сам он сел с женой и дочерью на канapé, а Генри с Элизой втиснулись вдвоем в одно кресло. Все имели довольно глупый вид. И Джейн, и ее матушка были поглощены своими мыслями, когда леди Джонстоун снова заговорила:

– Я буду счастлива поздравить мистера Уизерса с помолвкой.

Несколько мгновений все молчали, переваривая эти слова. Наконец миссис Остен, вполне, как ей показалось, уяснив их смысл, вскочила со своего места и с радостной укоризной обратилась к дочери:

– Джейн! А ведь ты ничего нам не сказала!

Все заахали и заулыбались, подумав, очевидно, то же, что и маменька. Чувствуя, как сердце стучит в груди, Джейн помотала головой:

– Я сама не получала никакого известия!

– Вчера в Бристолe случился ужасный мороз. Он задержал почту и нарушил планы многих путешественников, – объяснила гостья.

– Мы этого не знали, миледи, – сказала миссис Остен, – и очень вам благодарны. Вы оказали нам большую услугу.

Преподобный схватил руку Джейн. Его пальцы были теплы и мягки.

– Какую же? – спросила леди Джонстоун.

– Как какую? – отозвалась миссис Остен со смехом. – Вы сообщили нам о том, что наша дочь обручена.

Леди Джонстоун тоже рассмеялась:

– Прошу прощения, но мистер Уизерс обручился с мисс Клементиной Вудгер из Тонтон, с чем мне и не терпится его поздравить. Помолвка состоялась вчера в Бристоле.

На лице адвокатской вдовы нарисовалась улыбка злорадного ликования. Остены вновь застыли в замешательстве. Джейн не могла читать мыслей матери, но по тому, как та сосредоточенно расправляла каждую складку своей синей муслиновой юбки, догадалась, что в маменькиной голове ведется какая-то важная внутренняя дискуссия. Сама Джейн тоже молчала. Глядя в пол, она с усилием дышала, а сердце словно бы куда-то падало. К счастью, миссис Остен довольно скоро прервала эту мучительную тишину.

– Мы также непременно поздравим мистера Уизерса, – бодро сказала она.

Джейн, избегая встречаться с кем-либо взглядом, встала, чтобы поворошить кочергой огонь в камине. Миссис Остен продолжила беседу:

– А велико ли состояние мисс Вудгер?

– Ее отец, лорд Вудгер, адвокат, – ответила леди Джонстоун. – В Патни у него собственная контора по делам передачи собственности.

– В Патни?

– Да. В Патни. Клементине, невесте, еще не исполнилось двадцати одного года.

– Совсем юная, – заметила миссис Остен.

– Вовсе нет. После двадцати двух выйти замуж уже нелегко.

Джейн поворошила огонь еще раз.

– Впрочем, сегодня я слишком занята, – сказала леди Джонстоун и встала как раз в тот момент, когда Маргарет вошла с чайным подносом. – Не утруждайтесь, уже не нужно, – прибавила гостя, указав на чайник, и с самодовольной улыбкой удалилась.

Некоторое время Джейн сидела не шевелясь. Поначалу в ней теплилась надежда на то, что леди Джонстоун просто сыграла с ней жестокую шутку. Но потом Маргарет вернулась с рынка, где говорила с прачкой из дома, в котором остановился мистер Уизерс, и та подтвердила: вчера в Бристоле он обручился.

Растерянная миссис Остен отказывалась в это верить, ссылаясь на происки темных сил.

– Кто-то или что-то сбивает его с толку, – заявила она.

Джейн кивнула, подозревая, однако, что на мистера Уизерса повлияли отнюдь не сверхъестественные силы, а лишь здравый смысл и, вероятно, воля отца. Вместо того чтобы проводить у домашнего очага вечера, полные смеха, он решил обеспечить себе самую роскошную могилу на кладбище в Грейвсенде. Что ж, пожалуй, он просто-напросто поступил так, как того требовали его состояние и воспитание.

– Мне очень жаль, сестрица, – сказал Генри.

Отец не сказал ничего. Джейн стало жутко и тошно. От стыда крутило в животе. Недавнее радостное волнение исчезло без следа. Мать смахнула слезу.

– Возвращайтесь к Досонам, Генри, – произнесла Джейн ровным голосом.

– Нет. Мы, конечно, останемся здесь, с тобой.

– Глупости. Поезжайте, я настаиваю. С вашей стороны было бы глупо терять здесь время. – Она встала. – Пойду узнаю, может ли ваш кучер отвезти вас сегодня же.

Видя, что сестра направляется к двери, Генри остановил ее:

– Не ходи, я сам схожу.

И он вышел.

– Прости, Элиза, что испортила тебе отдых, – сказала Джейн.

– Не извиняйся, *ma chère*, – мягко ответила невестка.

Все устали в пол. Джейн содрогнулась, увидав на отцовском столе чуть-чуть не отправленное письмо, в котором она нахваливала Кассандре красоту и остроумие мистера Уизерса.

Попросив ее извинить, Джейн покинула гостиную и поднялась к себе. Стрелки часов показывали только одиннадцать, но она заползла в постель и не спустилась ни к обеду, ни к ужину. Ближе к вечеру Маргарет постучалась и сказала, что Генри с Элизой уезжают. Джейн велела ей уйти и попрощаться не вышла, хотя слышала, как брат и его жена выходят через парадную дверь. Прележав всю ночь без сна, Джейн забылась только под утро.

* * *

Через час, около шести, она проснулась, охваченная жаждой деятельности. В голове теснились слова. Она подняла подушку в поисках чего-то. Раньше оно хранилось здесь, но теперь его не было. Джейн принялась расхаживать по комнате. Заметив на полу что-то блестящее, подбежала и нагнулась. Между двух половиц угнездилась тоненькая светлая палочка. Джейн выудила ее и улыбнулась: обыскивая комнату, маменька реквизировала дюжины таких палочек, но одну все-таки проглядела. Кто-то любит гуся за жирное коричневатое мясо, но для Джейн самой ценной частью птицы было перышко. Едва к нему прикоснувшись, пальцы обхватили его, словно повинувшись инстинкту.

Распахнув сосновый сундучок, стоявший у изножья кровати, Джейн стала рыться в своих сокровищах и наконец отыскала скляночку размером с абрикос. Внутри ничего не оказалось. Швырнув пузырек через плечо в угол комнаты, Джейн продолжила поиски. Вскоре нашелся второй, но и в нем была только пыль. Он тотчас отправился вслед за своим близнецом. Зарывшись глубже, Джейн нащупала кружево: оно предназначалось для свадебного покрывала и, ожидая своего часа, давно лежало здесь, как в гробу. Кружево тоже полетело на пол, и под ним-то Джейн нашла третий пузырек. Сквозь стеклянные стенки она разглядела крошечный холмик из смеси танина, купороса и аравийской камеди. Это был настоящий трофей. Оставалось только добавить воды.

На подоконнике стояла ваза с увядшими розами. Джейн выбросила из нее дурно пахнущие остатки цветов и, зажмурив один глаз, заглянула внутрь. На доннышке оставалось немного мутной жижи. Торопливо, но осторожно, чтобы не расплескать, Джейн перелила ее в стеклянный пузырек. Засохшие крупинки растворились.

Теперь нужно было достать бумагу. Но где? Если пойти в гостиную и взять несколько листков якобы для нового письма Кассандре, маменька сразу же разгадает истинные намерения дочери, только взглянув на ее лицо. Джейн почувствовала нарастающее смущение: слова и фразы приходили и улетучивались, а записать их было не на чем.

Вдруг ее осенило: в комнате есть бумага! Опустившись на пол, она подцепила и не без труда приподняла одну из досок. Внизу был тайник с шестьюстами страницами, исписанными с обеих сторон. Роман назывался «Первые впечатления»³. Она начала его в свой пятнадцатый день рождения. После того как он совершил путешествие в Лондон и вернулся, отвергнутый издателем Кэдделлом, Джейн прятала рукопись под полом, чтобы спасти от обещанного маменькой сожжения.

---

³ «Первые впечатления» (*First Impressions*) – ранняя редакция романа «Гордость и предубеждение» (*Pride and Prejudice*, 1813), над которой Джейн Остен (родившаяся 16 декабря 1775 г.) работала с октября 1796 по август 1797 г., то есть в возрасте 20–21 года.

Джейн провела пальцами по желтой бумаге. Листки пахли ванилью и деревом. На последней странице оставалось свободное место. Стерев со стола толстый слой пыли, Джейн обмакнула перо в чернила.

Глава 6

Изабелла Торнтон теперь понимала, каково это – желать чего-то, чего не можешь получить.

Атмосфера в Мельбурн-Хаусе сделалась невыносимой. Маменька Изабеллы направилась в свою комнату, говоря, что никогда прежде с нею не обходились так дурно. Однако, не добившись таким образом достаточного внимания, она вернулась в гостиную, где несколько раз повторила свою жалобу. С папенькой дело обстояло хуже. Вместо того чтобы сказать Изабелле что-нибудь шутливое о ее романтической неудаче, он спасся бегством в свой кабинет, предпочтя вовсе ничего не говорить. Очевидно, все думали то же, что и сама Изабелла: они польстили себе, поверив, будто такой мужчина, как Джон Уилсон, может заинтересоваться девицей ее возраста и положения.

Когда служанка сказала, что закончилась лента для починки одежды, Изабелла сама отправилась пополнить запас – лишь бы только выйти из дому. Зайдя в лавку, она пожелала миссис Тернер доброго утра, однако ответ получила не от лавочницы, а от покупателя.

– Здравствуйте, мисс Торнтон, – произнес Джон Уилсон – источник ее боли, мужчина, которым она была отвергнута и которого надеялась никогда более не видеть.

Сглотнув, он отвернулся и стал чрезвычайно усердно изучать шарфики в витрине. Изабелла решила оставаться спокойной и никоим образом не показывать, что присутствие мистера Уилсона ее огорчает. Она спросила себя, прилично ли будет удалиться немедленно, не говоря ни слова, или все-таки необходимо выждать какое-то время. Прошло три секунды. Надеясь, что этого довольно, Изабелла направилась к дверям.

– Вы уже уходите? – спросил мистер Уилсон.

Изабелла вздохнула. Смирившись с тем, что беседа все же необходима, она сделала несколько вежливых замечаний о городском театре, а также о давешней грозе. Однако запас ее суждений касательно пьес и погоды скоро иссяк, а мистер Уилсон, со своей стороны, не делал попыток поддержать разговор. Есть много предметов, о которых мужчина может заводить речь. Взять, к примеру, сырость дорог или стоимость почтовых отправлений. Но мистер Уилсон, к смятению Изабеллы, не сделал и не сказал совершенно ничего, хотя, как ей показалось, какие-то слова вертелись у него на языке. Изабелла презирала его за такую неучтивость, и ей не терпелось уйти. Миссис Тернер, наблюдавшая эту сцену из-за прилавка, не славилась большим тактом, и нетрудно было предположить, что еще до ужина в Рэмсгейте узнают о новом унижении Изабеллы.

Она пришла в ярость и, отказавшись от своего недавнего намерения быть скромной, перешла в наступление.

– Желаю вам всех благ, мистер Уилсон. – С этими словами она поглядела ему в глаза.

– Спасибо, мисс Торнтон, – ответил он и озадаченно наморщил лоб.

– Полагаю, вы скоро возвращаетесь в Кент? Или сперва совершите путешествие? – спросила Изабелла, внутренне содрогаясь: что могло быть неприятнее, чем осведомляться о свадебных планах мужчины, который ее отверг?

– Я собираюсь пробыть в Сомерсете еще несколько недель, – отвечал мистер Уилсон с прежним недоумением на лице.

Изабелла, все более раздражаясь, предложила новый вопрос:

– В таком случае намерена ли миссис Уилсон посещать местный театр? В следующем месяце будут давать новую пьесу Купера, если ей такое по вкусу.

– Моя матушка любит Бат, но покамест намерена оставаться в Кенте. Однако я благодарю вас за интерес к ее досугу.

Изабелла нахмурилась, возмущенная необходимостью прямо говорить о столь болезненном предмете.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я спрашивала о миссис Джон Уилсон, вашей будущей жене.

Джентльмен бросил изучать шарфы и поднял глаза. Его лицо озарилось проблеском надежды.

– Ах, быть может, вы имели в виду миссис Фрэнсис Уилсон? Мою будущую сестру?

Он сделал шаг к Изабелле.

– Миссис Фрэнсис Уилсон! – повторила миссис Тернер из-за своего прилавка.

Джон Уилсон продолжал приближаться. Изабелла отвернулась и, тяжело дыша, застыла, словно зачарованная красотой кружева в витрине.

– Мисс Изабелла, я задержался в Бристоле, чтобы отпраздновать помолвку моего младшего брата Фрэнка с мисс Бернадет Мартин.

– Так, значит, сами вы не обручены?

– Не обручен. В Бристоле был мороз, он задержал меня на ночь. Я послал вам срочное письмо, которое, ежели учитывать состояние английских дорог и английской почты, придет не ранее следующей недели. Я сам прискакал по снегу, чтобы вас разыскать.

От облегчения Изабелла утратила дар речи.

– Мы с вами условились вместе посетить Насосную залу, мисс Торнтон, – сказал Джон Уилсон с нежной улыбкой. – Изабелла, окажите мне честь. Пойдемте туда теперь же.

Он предложил ей руку, и они вдвоем вышли на Столл-стрит. Ничего не сказав и даже не изменившись в лице, Изабелла лишь позволила своему сердцу замереть от чувства, которое сентиментальный человек назвал бы радостью.

Отложив перо и хрустнув пальцами, Джейн перечитала написанное. Над выбором слов она еще поработает. Главное, что боль в груди на какое-то время утихла. Жениться на другой собирается не возлюбленный героини, а его брат – ну разве не замечательный ход? История родилась. Джейн пока не видела ее целиком и не представляла себе всех действующих лиц, но эта сцена могла стать прекрасным завершением романа. Влюбленных разлучило недоразумение, однако в конце концов все выяснилось. Он и она снова вместе и счастливы.

Та сила, благодаря которой на чистой бумаге появлялись слова, воздействовала на Джейн с почти мучительной настойчивостью, то загоняя ее в правый нижний угол страницы, то позволяя испытать восторг от бегства на новый лист (и хорошо еще, если на половицах при этом не оставалось клякс). Джейн улыбалась тому, с какой быстротой слова приходили ей на ум, и смеялась, видя, как они сами ложатся на бумагу. Такое вдохновение приходило к ней нечасто. Вдруг в голове мелькнула мысль о Чарльзе Уизерсе и о том, что он, вероятно, теперь делал. Оставив листки на столе, Джейн вернулась в постель.

Проснувшись, она обнаружила, что ее уединение нарушено.

– Ты испортишь платье, если будешь в нем спать, – сказала миссис Остен.

Джейн поглядела на свой наряд за двадцать фунтов и поморщилась: тонкий шелк накидки весь измялся, одна из золотых лент оторвалась, а лепестки вышитых роз, казалось, могли погибнуть под тяжестью одеяла.

– Который час? – спросила Джейн.

– Четвертый, – ответила миссис Остен, не отрывая взгляда от листка, который держала в руке.

Джейн села и протерла глаза.

– Что вы читаете, мама? – проговорила она, хотя уже знала ответ на свой вопрос. – Отдайте.

Ком застрял у нее в горле.

– Ты обещала мне не писать больше никаких историй!

– Я и не пишу, мама. Это старое.

Миссис Остен внимательно поглядела на листки.

– Это то, что твой отец посылал в Лондон. Он поступил жестоко, внушив тебе всякие идеи, дав тебе ложную надежду. Зачем ты хранила эту рукопись, Джейн, зачем себя мучила? – Она перевернула страницу и указала на свеженаписанные строки: – А это что такое?

Джейн не ответила.

– Ты же взрослая женщина, – продолжала мать. – Или нет?

– Да, мама, взрослая.

– Я зашла посмотреть, как ты себя чувствуешь. Вижу, что хорошо. – Миссис Остен ткнула пальцем в рукопись. – Вся семья понимает серьезность твоего положения, а тебе по-прежнему лишь бы шутки шутить. Ты не представляешь, во что превратится твоя жизнь, когда нас не станет. Мы с ума сходим, пытаясь тебе помочь, в то время как ты сама предпочитаешь развлекаться.

– Неправда, мама. Пожалуйста, отдайте мне эти листки. – Миссис Остен собрала рукопись в стопку и поднялась с места. Джейн умоляюще проговорила: – Куда вы их забираете?

– Это для твоего же блага, – объявила мать и бросила листки в камин.

Джейн вскрикнула. Почти угасшее пламя шумно ожило, получив новую пищу. В детстве Джейн любила перебирать слова, которыми можно описать, как что-то горит. Например, «попахать» или «рдеть». Ей нравилось смотреть на огонь: это роднило ее с матушкой и отличало от отца с сестрой, которые не проявляли особого интереса ни к свечам, ни к каминам. Сейчас она, подскочив, смело просунула руку сквозь решетку, но сумела выдернуть только один клочок бумаги да обгорелую розовую ленту. Все остальное было поглощено ликующими красными языками. Сухие листки потрескивали, словно взрываясь. Джейн, сидевшую на полу, обдало жаром, и она была вынуждена попятиться. Огонь ослепил ее, аромат почерневшего дерева одурманил. Когда все догорело, миссис Остен встала и покинула комнату.

Взглянув на тлеющие останки «Первых впечатлений», Джейн спрятала в карман спасенный обрывок страницы и вышла из дому.

Миссис Харвуд ждала ее на своем крыльце.

– Вы знали, что у меня с ним ничего не выйдет, – сказала Джейн, входя в жилище старой девы.

– Да, знала, – ответила та, предлагая гостье стул.

– Что со мной не так?

– Вы отличаетесь от других.

– Но я этого не хочу.

– Не унывайте. Вам нужно ехать в Лондон, – сказала мисс Харвуд и, написав что-то на клочке бумаги, протянула его Джейн.

Та поморщилась при мысли о столице, переполненной людьми и крысами.

– Но ведь до Лондона целый день езды.

– Есть на примете что-то получше? – спросила мисс Харвуд.

Гостья пожала плечами:

– Сейчас у меня нет ничего.

Назавтра Джейн уже тряслась в разбитом экипаже, думая о том, как бы сохранить свое путешествие в тайне. Почтовую карету она выбрала самую плохонькую: ту, что отходила с заднего двора гостиницы «Черный принц» и шла в Лондон не прямой, зато тихой дорогой. Единственным попутчиком Джейн оказался пахнущий ромом мужчина в рваном жилете и засаленной адмиральской шляпе. Он избегал смотреть Джейн в глаза, и это вполне ее устраивало. Не услышав от него замечаний относительно того, как неприлично женщине путешествовать

одной, она заключила, что он сам пал еще ниже: быть может, крупно повздорил с кем-то или в пух и прах проигрался. Так или иначе, этот субъект явно спешил покинуть Бат, не будучи признанным. Более подходящего компаньона Джейн и желать не могла. Еще до того как карета тронулась с места, он закрыл глаза.

Глава 7

За годы своего затянувшегося девичества Джейн не раз пренебрегала правилами, свято чтимыми другими представительницами ее пола. Но этот поступок затмил все прежние грехи. Путешествовать из города в город без провожатых, торговаться с возницей, самой за себя платить, сидеть бок о бок с незнакомыми людьми – позволить себе такое могла только распутница или ведьма. Ни одна девушка из приличной семьи не отважилась бы нанести своей репутации столь ужасный урон.

Джейн покинула дом с чувством вины. Родным она сказала, что идет, как всегда, на прогулку. Мать кивнула, не глядя на нее. В кармане у Джейн было три черствых печенья из кладовой (их пропажу вряд ли могли заметить) и четыре фунта – весь ее капитал. Отец пожелал ей счастливой прогулки и даже предложил свою компанию. При этом он улыбнулся, и глаза его затуманились. Джейн стало стыдно. Покидая дом, она заметила между родителями некоторое отчуждение. В это время суток преподобный Остен и его супруга обыкновенно сидели вместе в углублении окна. Он читал «Ллойдз пост», а она занималась штопкой. Они разговаривали и смеялись. Однако этим утром преподобный расположился за столом. Джейн почувствовала себя польщенной, предположив, что стала причиной размолвки.

В половине десятого карета отправилась в путь. Каменные особняки медового цвета сменялись сначала серыми коттеджами, затем хижинами с дымящими трубами и, наконец, нефритовой зеленью полей. Миновав возделанные земли Западной Англии, экипаж покатиł мимо беркширских дубовых лесов. В Рединге была сделана остановка, чтобы лошади попили. Возница вышел размять ноги, однако пассажиры не покинули безопасных стен своей деревянной клетки. Джейн осторожно выглянула в окно и осмотрела городскую площадь, почти ожидая увидеть маманьку, прибежавшую из дома с намерением возвратить дочь.

На противоположной стороне дороги остановилась другая карета, ехавшая из Лондона в Бат. Тот возница тоже сошел с козел, чтобы напоить лошадей и себя. Изнутри доносились веселые голоса. По яркой одежде и большим чемоданам пассажиров Джейн заключила, что это семейство, по-видимому, направляется в Бат на отдых. Ей захотелось к ним, на единственное свободное место в экипаже. Тогда можно было бы вернуться домой, пока никто ничего не заподозрил. Она уже взялась за ручку дверцы, но в этот самый момент кучер вернулся и хлестнул лошадей. Почтовая карета покатила дальше. Джейн откинулась на спинку скамьи. Если у нее и возникло желание спасти остатки своей репутации, то теперь она упустила последнюю возможность. Пути назад не было.

На окраине Виндзора стоял, указывая дорогу на Лондон, огромный вечнозеленый дуб. На миг позабыв тревогу и чувство унижения, Джейн залюбовалась этим роскошным деревом, не боящимся ни времени, ни непогоды. Далее потянулись поля. Убаюканная покачиванием экипажа и мерным стуком колес, Джейн задремала.

Проснувшись она уже в Кенсингтоне и, прежде чем восхититься великолепными зданиями, ощутила неподражаемый аромат столицы. Над зеленью Гайд-парка и Кенсингтонских садов витали удушливые запахи угольного дыма, сточных вод и гнили, выстилавшей обнаженное отливом устье Темзы. Лондон бурлил, источая зловоние улиц, домов и человеческих тел. Какая-то фабрика на южном берегу изрыгала черные клубы через одну трубу и сливала разлагающиеся отходы через другую. Джейн ощутила ненависть к этому городу с его алчностью, вероломством, копотью и туманом. Трава и деревья были ей милее, чем люди и камень. Но именно здесь, близ этих нищих доков, Купер сочинил «Олнейские гимны»⁴. Здесь, среди

---

⁴ «Олнейские гимны» (*Olney Hymns*, 1779) – сборник религиозных стихотворений, написанных поэтом Уильямом Купером в соавторстве с англиканским священником Джоном Ньютоном.

пустого дворцового блеска, Фрэнсис Берни написала «Эвелину». Здесь, в парах Саутуарка, Шекспир создал «Гамлета». Джейн кивнула, нехотя отдавая дань почтения ужасному городу, породившему стольких гениев. «В конце концов, из угля может получиться алмаз, – подумала она, – а из песчинки – жемчужина».

На Пикадилли почтовый экипаж сделал последнюю остановку. Бросив взгляд на величественный купол собора Святого Павла, высившийся на востоке, Джейн направилась по адресу, который дала ей мисс Харвуд. Предстояло пройти пешком две мили. Выйдя на набережную, Джейн тут же зажала нос – Темза обдала ее своим смрадным дыханием.

Сперва приблизившись к творению сэра Кристофера Рена, а затем оставив его позади, путешественница заметила, что епископы, кураты и солидные прихожане стали встречаться ей реже. Теперь она видела тех, кого им полагалось спасать: белошвеек, цветочниц и прачек Чипсайда. Мрамор колонн и медь куполов сменились полустгнившим деревом и старым кирпичом. Острые булыжники под ногами покрывал слой грязи, а вместо тех хитроумных систем, которые избавляли от нечистот Мейфэр и Пикадилли, здесь использовались немудреные устройства опорожнения ведер при помощи силы земного притяжения. Стены глинобитных домишек лоснились от копоти. Никогда прежде Джейн не приходилось бывать в подобных местах. Какой-то мужчина с пятном от супа на галстуке показал ей язык и увязался за нею. Она заявила, что ее отец – констебль. Это помогло: незнакомец сел на кучу гниющей капусты и захрапел.

Джейн облегченно перевела дух и, прошагав еще три квартала, приблизилась к дому, который разыскивала. Опять сверилась с адресом в записке. Да, это здесь. Два больших новых здания с обеих сторон подпирали двухэтажный дом тюдоровских времен. Его темные балки прогнулись, беленые стены покрылись желтыми пятнами, тростниковая крыша ввалилась внутрь. Казалось, постройка вот-вот рухнет.

Джейн легонько постучала в дубовую дверь. Никто не ответил. Черные решетчатые окна были наглухо закрыты. Постучав еще раз, посильнее, и крикнув: «Есть кто-нибудь?», Джейн подняла глаза: труба не дымила.

– Кто вы такая? – донесся голос.

Джейн обернулась. К ней, прихрамывая, шла женщина с длинными седыми волосами, которые, ничем не прибранные, падали на лицо и окутывали тело, будто огромный колышущийся кокон из сахарной ваты. На черном платье пестрели заплаты: дыру на плече прикрывал кусок клетчатой материи, прореху в подоле – большой коричневый ромб. К груди женщина подвязала несколько вилок капусты. Сколько именно – сказать было трудно.

– Меня зовут мисс Остен. А вы миссис Синклер?

– Может, да, а может, и нет.

Войдя в дом, женщина тут же заперлась.

– Я пришла по совету мисс Харвуд! – прокричала Джейн сквозь толстые дубовые доски.

Дверь приоткрылась. Джейн осторожно вошла, думая, что, вероятно, идет навстречу собственной гибели. Окна, заклеенные черной бумагой, не пропускали света.

– Помочь не хотите? Они сами не загорятся, – сказала хозяйка дома, зажигая свечу.

Джейн ощупью отыскала еще одну и сделала то же самое.

– Как Эмили? – спросила миссис Синклер.

– Ей не хватает угля, – ответила Джейн, оглядывая комнату, – но она старается поправить положение, занимаясь живописью.

Хозяйка зажгла еще несколько свечей. Теперь можно было различить земляной пол, очаг и два стула.

– У вас здесь уютно, – кивнула Джейн, не понимая, зачем миссис Синклер понадобилось столько света, если в комнате нечего освещать.

Прищурившись, она взгляделась в лицо, сморщенное, как изюм. Старуха развела огонь в очаге.

– Здесь всегда жил и всегда будет жить кто-нибудь вроде меня.

Джейн еще раз окинула взглядом грязную комнатку и, приподняв бровь, ответила:

– Не сомневаюсь.

Чипсайд уродовали тысячи подобных лачуг.

– Чего вы хотите? – спросила миссис Синклер, жестом предложив гостье сесть.

Джейн опустилась в кресло-качалку, от старости переставшее качаться, и ответила вопросом на вопрос:

– А что вы можете предложить?

– Я сваха.

Джейн вскочила.

– Уму непостижимо! Я проехала пол-Англии, пожертвовав остатками своей репутации, только затем, чтобы посетить сваху! Как будто в Бате они не торчат на каждом углу!

Она захотела себя ударить, придя в отчаяние от собственной доверчивости. Позабывшись лишь о том, как бы незаметно ускользнуть из дома, она почти не подумала, с чем ей придется столкнуться на пути в Лондон и что она там найдет. Оказалось, она приехала к очередной глупой свахе!

Вне себя от досады Джейн сделала шаг к двери.

– Я не простая сваха, – сказала миссис Синклер и, вооружившись почерневшей кочергой, пошевелила полено в очаге. Огонь вспыхнул.

– А какая же? Чем вы отличаетесь от тех кумушек, из-за которых в Бате яблоку негде упасть?

– Я исполняю желания.

Джейн усмехнулась. Потрескивание и фыркание огня напомнили ей о романе, превратившемся в горстку пепла. Она снова села.

– Раз вы исполняете желания, так исполните мое. Мне нужен муж.

– Нужен – возьмите.

– В том-то и беда. Похоже, я не обладаю таким талантом.

– А почему – как вы думаете?

– Потому что я немолода и бедна.

– Ба! – воскликнула миссис Синклер. – Ваше поколение говорит про любовь так, будто это вы ее изобрели. Вы думаете, она возникает, когда у нас самый наилучший вид. Не тут-то было, настоящая любовь проявляет себя, когда мы выглядим хуже некуда. Всякие женщины находят мужей: и постарше вас, и победнее, и понеказистее. Дело в чем-то другом. Может, вы вовсе и не хотите замуж?

– Мысль о замужестве несколько не отвратительна мне, – возразила Джейн. – Просто мужчины всегда меня отвергают. Да сваха вы или нет? У меня есть деньги, я заплачу.

– Среди тех мужчин нет того самого, который вам нужен. Чтобы его отыскать, вы должны совершить путешествие, – произнесла старуха злоеще.

– А что же, по-вашему, я совершила сегодня, если я семь часов тряслась в старом ящике в компании мужчины, который запросто мог оказаться пиратом?

– Вы все обращаете в шутку. Это вам только вредит, – проговорила миссис Синклер. Джейн не ответила. Тогда старуха, выкладывая капусту на стол, объяснила: – Я толкую о путешествии другого рода. Помочь вам можно, но ежели вы не согласны, то я вас не держу.

Джейн вздохнула, подумав о том, как дорого ей уже обошлась эта сомнительная затея.

– Если вы обладаете чудесными умениями, которыми намерены посрамить всех, кто пытался сосватать меня до вас, то хлопотать вы будете, наверное, не даром?

– Да, мне нужно от вас нечто ценное.

Джейн извлекла из кармана один фунт – все, что осталось от ее сбережений после того, как она оплатила дорогу.

– Вот. Больше у меня нет.

Сумма была невелика. Редкая сваха попросила бы меньше. Джейн даже радовалась, что не может заплатить более щедро, ведь старуха наверняка ее обманывала.

– Я прошу не денег и не того, что на них покупается, а того, что по-настоящему дорого.

Джейн, вздохнув, поерзала в своем кресле. Уже несколько утомленная этой туманной беседой, она принялась мысленно составлять список ценностей, имевшихся при ее персоне. На шее висел крестик, с любовью подаренный младшим братом Фрэнком. Он гордо заявил, будто это латунь, однако желтоватая пыльца, которая оставалась на коже, заставляла заподозрить, что украшение сделано из олова. Пальто и перчатки Джейн были добротны, но очень стары и выдавали то, как мало их хозяйка преуспела в искусстве штопки. Ни колец, ни дорогих гребешков она не носила. Нет, ей решительно нечем было соблазнить эту женщину.

– Полагаю, сударыня, вы видите, насколько я небогата. Все ценное, что у меня есть, лежит перед вами. – Джейн указала на банкноту. – Кроме этих денег ничего нет.

– Вы меня не слышите, – сказала миссис Синклер, заправляя за ухо прядь седых волос. – Я прошу у вас то, что дорого именно вам.

Огорченно всплеснув руками, Джейн погрузила их в карманы. Пальцы нащупали нечто хрустящее и ломкое. Немного поколебавшись, она достала этот предмет и положила его на стол.

Глава 8

Опаленный клочок бумаги, меньше половины листа. Пожелтый, с коричневыми пятнами, обугленный по краям. Казалось, какое-то чудовище с черной пастью его покусало. То, что уцелело, было исписано аккуратным мелким почерком. Слова теснили друг друга, заполняя поля. Джейн всегда приходилось расходовать бумагу очень бережливо. «Первые впечатления» были главным трудом ее жизни. И вот что осталось от романа – отрывок одной из средних глав.

– Вам это наверняка покажется сором, – сказала Джейн, нервно усмехаясь, – но для меня нет ничего дороже.

– Прекрасно, – ответила миссис Синклер и взяла обгоревший листок.

Прошла минута. Старуха молчала. Джейн начала беспокоиться.

– Что-то не так?

– Ш-ш-ш! Я читаю.

Джейн откинулась на спинку кресла.

– Неплохо, – наконец объявила миссис Синклер.

– Вы очень добры, – ответила Джейн упавшим голосом и улыбнулась сама себе.

Старуха протянула ей листок и спросила:

– Вы готовы пожертвовать этим ради любви?

Джейн пожала плечами:

– Клочком бумаги? Конечно.

– Насколько сильно вы хотите любви? – спросила миссис Синклер.

Джейн задумалась. Мистер Уизерс скоро должен был жениться, и теперь эти воспоминания не имели значения, но она все-таки не могла забыть, как они гуляли вдвоем по саду. Он остановился под большим деревом, чтобы застегнуть пуговицу на манжете, а потом с улыбкой посмотрел на Джейн. Она улыбнулась в ответ. Это был сущий пустяк, ведь они знали друг друга лишь несколько минут, и все же в тот момент она не была одинока. Никогда прежде ей не доводилось испытывать такого теплого чувства.

Джейн поглядела на миссис Синклер и сказала:

– Я хочу любви больше всего на свете.

Та кивнула:

– Раз вы уверены, то вы ее получите. Давайте запишем ваше желание. – Очинив перо, миссис Синклер перевернула обгоревший листок и что-то нацарапала. – Это подействует только раз. Действие обратимо: вы сможете все вернуть, но, опять же, только один раз. Теперь давайте палец.

Джейн протянула левую руку, и миссис Синклер уколола ее в подушечку указательного пальца острием пера.

– Ой! – На листок упала капля крови. – Вы с ума сошли?!

Старуха прикрыла глаза и произнесла какое-то заклинание. Джейн, нахмурившись, облизнула палец.

– Нужно будет сказать вот эти слова, – промолвила миссис Синклер и занялась своей капустой.

Джейн рассмеялась:

– Прошу прощения... Это что – все?

– А чего вам еще? – возразила старуха.

– Куда мне идти? Кому вы намерены меня представить? Надо полагать, каплей собственной крови я заплатила за знакомство с каким-то мужчиной? Ничего не понимаю...

– Я не буду никому вас представлять. Вы встретите его сами.

– Да кого? – не успокаивалась Джейн. – Кого я встречу?

– Его, – повторила миссис Синклер и, вернув гостю обрывок рукописи, больше ничего не сказала.

Джейн взяла листок, встала и растерянно оглянулась. Очевидно, странная сваха больше не собиралась уделять ей внимание. Захрустела капуста, нож застучал по столу. Джейн со вздохом произнесла:

– Ну, тогда я пойду?

Старуха ответила молчаливым кивком. Джейн вышла, еще раз глубоко вздохнув. Внутри у нее все кипело от разочарования и досады. Лишь только она вновь оказалась на мощенной булыжником улочке, к ней тотчас приблизилось какое-то дьявольское создание, с головы до ног покрытое сажей. На черном как смоль лице сверкнула белая улыбка. Джейн ахнула и в испуге отпрянула.

– Добрый вечер, мисс, – произнесло безобразное существо, дотронувшись до полей грязной шляпы.

Это был не дьявол, а всего лишь трубочист, перепачканный копотью. Щетки с длинными ручками отягощали его плечи. Он возвращался домой после дневных трудов.

Другой человек протопал мимо, таща за собой тележку, на которой стояла зловонная бочка, полная скользких угрей.

– Прочь с дороги, глупая гусыня!

Тележка подпрыгнула, хлопнув склизким чешуйчатым грузом.

– Но я здесь по делу, сэр, – ответила Джейн.

– Тоже мне дело! – расхохотался мужчина. – Вы одна из тех девиц, что жаждут любви. Они днями и ночами сюда ходят.

– Зачем?

– Чтобы их облапошили. Старуха – шарлатанка. Ее добыча – дуры припадочные.

Мужчина усмехнулся и, покачив головой, потащил свой пахучий товар дальше. Джейн закрыла глаза. Какая она глупая! Странное воодушевление, с которого начался этот день, утонуло в копоты Чипсайда. Отчаяние и боль уязвленного самолюбия возвратили Джейн к действительности. Теперь она ясно видела себя легковой дурочкой, которая, уступив неразумной прихоти, явилась в Лондон и стоит совсем одна посреди убогой грязной улицы. Глупое сердце громко застучало. Она приказала ему умолкнуть, чтобы не усугублять своего положения – и без того смешного и жалкого.

Уныло шагая вдоль зловонной Темзы в сторону собора Святого Павла, Джейн даже не прикрыла носа. На Пикадилли она села в почтовую карету, где на сей раз оказалась единственной пассажиркой, и отправилась домой.

У дома Джейн ожидала целая ассамблея. Перед Сидни-Хаусом собрались все его обитатели, добрая половина населения Саттон-стрит и даже кое-кто с Грейт-Палтни-стрит. Судя по озабоченным взглядам, произошел какой-то скандал, ради наслаждения которым стоило отложить ужин. Джейн хотела было подойти поближе и узнать, какое семейство постигло несчастье и в чем оно заключалось, но вдруг застыла и спряталась на углу за изгородью. Из дома вышла миссис Остен с мокрым от слез лицом. Констебль, кивая, стал слушать ее и записывать что-то в книжицу. Маменькины волосы, всегда изысканно завитые и уложенные, были влажны и безвольно свисали из-под шляпки для верховой езды. Ее любимое синее платье, всегда безукоризненно чистое и накрахмаленное, было запачкано, а правый рукав и вовсе порвался. На мягкой щеке краснела длинная тонкая полоса – по-видимому, царапина, оставленная веткой. Джейн нахмурилась. Что с матушкой? Никогда в жизни она не видела ее в грязной одежде и с мокрыми волосами.

В следующую секунду Джейн, содрогнувшись, поняла, в чем дело. Она отсутствовала весь день, а уезжая, не оставила записки, в которой говорилось бы о намерении посетить друзей или совершить с ними прогулку. Мама, наверное, всюду ее разыскивала.

Джейн внимательнее оглядела собравшихся соседей. Впереди, как пастушья собака возле стада, маячила леди Джонстоун. Болтая со всеми, она едва ли не прыгала от радости. Она и ее приятельницы будут долгие годы вспоминать это как большой остеновский скандал. Если дочь пастора, никому ничего не сказав, исчезла из дома, причина может быть только одна, причем несовместимая с добродетелью. Толпа трепетала, с нетерпением ожидая, когда грехи падшей женщины выплывут наружу.

Джейн посмотрела на мать: явно не разделяя всеобщей радости, миссис Остен не обращала на собравшихся никакого внимания. Она говорила только с констеблем, показывая ему портрет Джейн, написанный Кассандрой. Сходство было слабое, нос получился острым, как клюв, да и вообще художница, по правде говоря, спешила. И все же матушке это показалось лучше, чем ничего. Наверное, она перерыла весь дом в поисках портрета младшей дочери. Джейн даже не думала, что мать знает о существовании этой плохонькой картинки, но миссис Остен с нежностью держала портретик в руках и тотчас смахнула каплю, упавшую со шляпы полицейского. Джейн захотелось подойти к матери и с улыбкой прикоснуться к ее руке. Вероятно, они могли бы сказать друг другу то, чего никогда прежде не говорили. Однако воспоминания о горящей рукописи были еще слишком живы. Джейн осталась стоять в стороне, безмолвно наблюдая материнские страдания. «Как любим мы наказывать тех, кто нам дорог!» – подумалось ей. Кроме того, она опасалась, что не найдет в себе сил, чтобы выйти к родным прямо сейчас, в присутствии всех этих почтенных матрон, рыбных торговек и прочих взволнованных жительниц города. Можно было предположить, какой эффект произведет ее появление!

Джейн побежала прочь, в Волшебный лес, где спряталась в заброшенном домике егеря с намерением не покидать этого убежища до ночи. Она надеялась, что к наступлению темноты толпа разойдется: простой аппетит возобладает в людях над жаждой скандала. Тогда можно будет прийти домой и объясниться с родителями. Ну а пока Джейн сидела среди голых каменных стен и ждала.

Вынув из кармана обрывок рукописи «Первых впечатлений», она перевернула его и увидела слова, написанные миссис Синклер. Всего одна строчка. Джейн нахмурилась, подумав: «Мало того, что старуха – мошенница, так у нее еще и почерк ужасный». Джейн не впервые приходилось разбирать каракули. К примеру, веселое нетерпеливое перо брата Генри выводило буквы, весьма напоминающие пьяных муравьев, которые разлеглись на странице. А брат Фрэнк, когда благодарил Джейн за новую рубашку, выплеснул на страницу половину Атлантического океана – видимо, затем, чтобы сестрица получила лучшее представление о морской жизни. Однако сравнивать их почерки с почерком миссис Синклер было бы то же самое, что равнять мелкую кражу с государственной изменой. Джейн потребовалось несколько минут только для того, чтобы понять, где верх, а где низ, причем сложность заключалась отнюдь не в каллиграфических изысках. Знаки, начертанные миссис Синклер, не грешили витиеватостью старогерманских писем. Не было здесь ни причудливых изломов, ни длинных хвостов и закорючек. Строчная «s» не походила на «t», как, например, в старинных изданиях Шекспира. Все это вообще мало напоминало буквы. По клочку бумаги просто рассыпались черные кляксы, сердито перечеркнутые кривыми толстыми палками. Даже если бы писавшая просто разбрызгала содержимое чернильницы по бумаге, вышло бы, пожалуй, аккуратнее.

Джейн подняла лист, как делала матушка, когда ей не хватало света или у нее уставали глаза. Вгляделась в начало безумно пляшущей строки. Первая буква – «T». Ну а дальше? «A»? Да. *Take*», – вслух прочитала Джейн первое слово. Следующее было проще. Оно состояло всего из двух букв, достаточно отличных друг от друга: «m» и «e». Получилось «me», «take me».

Джейн продолжила. Разобрав «*to*» и «*my*», она натолкнулась на какой-то клубок, где даже количество букв было неясно, не говоря уж о том, какие они. Самой легкой казалась та, что стояла посередине. Маленькая и закругленная сверху: «*r*», «*q*», «*o*», «*p*» или «*n*»? Допустим, «*n*».

«*One*», – произнесла Джейн и улыбнулась, почувствовав себя бравым рыцарем, который борется с драконом. Каждая разгаданная буква – отрубленная голова чудища. Следующее слово начиналось и заканчивалось так же, как первое. Это было «*true*».

Ну а последнее оказалось легким. Джейн вслух прочитала все предложение: «*Take me to my one true love*»⁵. Она с улыбкой откинулась на спинку стула, довольная тем, что разгадала этот шифр, но в следующую секунду пренебрежительно поморщилась: сами слова показались ей приторными. Тем временем в домике стало темно, пошел снег. Джейн ахнула: снежные хлопья падали прямо с потолка. Потом стены со свистом исчезли, раздался треск, похожий на раскат грома. Джейн рассеялась на частицы, и ветер унес ее прочь.

---

⁵ Перенеси меня к моей единственной настоящей любви (англ.).

Часть вторая

Глава 9

София Уэнтворт стояла за кулисами общественного центра города Бата и дышала в бумажный пакет. Оглядев свой наряд, стилизованный под эпоху регентства⁶, она поморщилась: талия под грудью, коричневые и голубые ленты делают фигуру похожей на увядающий цветок, из головы торчит страусиное перо чуть не до потолка... В этом костюме София сама себе напомнила злобного павлина – взъерошенную птицу, которая прячется в парке за кустами и нападает оттуда на туристов, безмятежно завтракающих на травке (таких животных обычно отлавливают и усыпляют).

София снова поднесла к лицу бумажный пакет – на этот раз, чтобы вдохнуть. Помощник режиссера вбежал за кулисы и открыл дверь на сцену.

– Миз⁷ Уэнтворт, вы готовы? Репетиция начинается! – выкрикнул он с нотками паники в голосе.

София отошла за драпировку. Конечно, кинозвезде не пристало прятаться за какими-то тряпками, но в данный момент эта тактика казалась наилучшей. Помощник режиссера перестал смотреть и вернулся в зал.

София опять всосала воздух из пакета и выдохнула его обратно, мысленно ругая врача, который сказал ей успокоительным тоном: «Как только почувствуете признаки панической атаки, воспользуйтесь этим приемом. Должно помочь». Сейчас, к сожалению, не помогало. От глотка абсента с какими-нибудь транквилизаторами толку было бы больше.

Достав из кармана исторического костюма телефон, София набрала номер Макса Милсона и, как только он взял трубку, заявила:

– Макс, боюсь, я не могу сниматься в этом фильме.

– Почему? Что случилось? – спросил агент.

– Мне нехорошо. Я беременна, – сказала София и тут же представила себе, как, наверное, вытянулась физиономия Макса.

– Поздравляю, – пробормотал он. – Когда ожидается радостное событие?

Об этом София не подумала.

– Где-то седьмого мая, – ответила она неуверенно.

– Но это же... через одиннадцать месяцев.

Черт! У нее всегда было плохо с устным счетом.

– София, что происходит? – спросил Макс усталым отеческим тоном, который выработался у него за двенадцать лет их совместной работы.

Она поглядела на свой костюм.

– Мое платье. Оно ужасное.

– Чем именно оно тебе так не нравится?

– Оно не льстит моей фигуре.

Макс попытался ее урезонить:

---

⁶ Период с 1811 по 1820 г., когда будущий король Георг IV правил Соединенным Королевством как регент своего отца Георга III, неспособного руководить страной по причине болезни. Если речь идет об искусстве, бытовой культуре, общественном климате и т. д., данное историческое понятие нередко толкуют шире, раздвигая его хронологические рамки до 1795–1837 гг.

⁷ Миз (англ. Ms.) – обращение, которое ставится перед фамилией женщины, чье семейное положение неизвестно или не подчеркивается; вошло в употребление в 1970-е г. по инициативе феминистского движения.

– Фильм исторический. Такое тогда носили. Ничего не поделаешь. Или ты хотела сниматься в бикини?

– Нет, просто я не ожидала, что прошлое такое... смешное.

– Ты играешь миссис Аллен. Это комический образ.

Макс был прав. Художник по костюмам блестяще справился со своей задачей, придав Софии совершенно нелепый вид. Конечно, она изначально знала, что ее героиня должна будет вызывать улыбку. Не следовало соглашаться. Все верно: произносить остроумный остеновский текст в смешном костюме – это здорово. Так можно стать гвоздем каждой сцены, в которой участвуешь. Начинающие актеры только об этом и мечтают. Но не София.

К зрительскому вниманию ей было не привыкать. Однако она добивалась его по-другому: не смешила аудиторию, а делала так, что все нормальные мужчины (и, вероятно, некоторые женщины) ее хотели. Поразительная сексуальная привлекательность, достигаемая без малейшего усилия, стала визитной карточкой Софии – тем, ради чего режиссеры наперебой приглашали ее сниматься, и целые студии перестраивали под нее свои графики. София Уэнтворт завлекала толпы в кинотеатры и удерживала задницы приклеенными к креслам. Благодаря ей даже неудачники богатели. Ну а теперь она должна привлекать к себе внимание иначе. Теперь над ней будут смеяться. Зрители еще не видели ее такой, и им не понравится. Они привыкли, что София Уэнтворт возбуждает их, и любой фильм с ее участием – двухчасовая эротическая фантазия. А она возьмет и выльет на их ожидания ведро холодной воды. Кто угодно скажет ей: «Все это глупости». Но она-то знает: есть только одна вещь, которая ей действительно удастся, – хорошо выглядеть. Поэтому показаться на экране в таком виде, как сейчас, означает совершить ошибку.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как София Уэнтворт выпустилась из Королевской академии драматического искусства и сразу же произвела фурор, сыграв Офелию в театре «Олд Вик». «Секс на ножках» – так сгоряча окрестил ее один критик. Она мгновенно превратилась из начинающей актрисы в знаменитость. Подписала договор с голливудским продюсером и меньше чем через пять лет уже играла Бэтгерл – девушку-летучую мышь, сексапильную подружку Бэтмена. Никакой другой британской актрисе еще не удавалось так быстро попасть с театральных подмостков на киноэкраны всего мира. На съемочной площадке они с режиссером Джеком Трэверсом влюбились друг в друга и вскоре заключили брак. Десять лет ходьбы по красным дорожкам, отдыха на Ривьере и съемок боевиков в Словении промелькнули незаметно.

И вот однажды, сразу после своего тридцать седьмого дня рождения, София узнала из газет, что планируются съемки нового фильма о Бэтмене. Это была радостная новость для всех, кроме нее. Ведь роль бойкой привлекательной сообщницы супергероя, роль, которую она прочно закрепила за собой в сознании целого поколения зрителей, на этот раз досталась не ей, а некоей Кортни Смит – двадцатитрехлетней жительнице Лос-Анджелеса, которая добавила образу «энергии» и «всегда считала себя настоящей Бэтгерл». Больше София не получала звездных ролей.

– Джеку не важно, какое на тебе платье, – осторожно проговорил агент.

– Важно.

– Может, ты все-таки попробуешь сосредоточиться на игре?

София нахмурилась:

– Не вздумай еще раз сказать мне такое, Макс.

Он вздохнул:

– Я изначально считал, что это не очень хорошая идея.

София мысленно согласилась со своим агентом, но промолчала. Ведь она сама настояла на том, чтобы взяться за эту роль.

– Зачем ты себя мучаешь, София?

– Работать с Джеком Трэверсом – честь для любого актера, – произнесла она голосом робота, повторяя то, что сказала представителям семи новостных агентств после подписания договора. – Он один из лучших режиссеров мира. Разве можно было упустить такую возможность?

– Может, это и честь, но только не для его бывшей жены.

– Официально мы еще не разведены, Макс, – ответила София, садясь.

Вот с чем были связаны ее панические атаки. Вот почему она дышала в пакет и пряталась. Они с мужем запланировали совместную работу над экранизацией «Нортенгерского аббатства» до того, как расстались. Джеку Трэверсу захотелось снять костюмированный фильм, тем более что сам он дальний родственник Джейн Остен, потомок одного из ее братьев. Но София знала, в чем подлинная причина. Он просто хочет поставить на каминную полку новую статуэтку. Много лет подряд кровавые боевики Джека Трэверса били рекорды проката. Теперь он захотел признания критиков.

София охотно поддержала эту затею. Во-первых, она любила Джейн Остен. Во-вторых, была рада провести время с мужем. Правда, честно говоря, сначала она думала, что будет играть Кэтрин Морланд, и только потом поняла: ее приглашают на роль патронессы (слово-то какое!) главной героини. Выяснив это, София энергично закивала, словно у нее и в мыслях не было ничего другого. Роль второго плана все равно позволяла ей быть рядом с Джеком, а этого она хотела в первую очередь.

После подписания договора прошло несколько месяцев, и одним прекрасным утром он объявил ей, что уходит. Дело было в их голливудском доме. Поставив перед мужем омлет из трех белков со шпинатом, собственноручно приготовленный ею на сверкающей стали кухне, София услышала: «Мы переросли друг друга».

Все вокруг принялись сочувствовать. Кинокомпания выразила готовность освободить Софию от обязательств по договору, если ей теперь неприятно работать с Джеком. Но она, молча терзаясь и тайно надеясь все вернуть, гордо заявила: «Если кто-то из нас двоих должен уйти, то пускай уходит он». Он не ушел, и София усмотрела в этом знак. У нее созрел план.

Съемки фильма будут долгими. Проведя рядом с нею столько времени, Джек снова ее полюбит. Когда-то они сблизились в сумасшедших условиях съемочной площадки. Кто сказал, что это не повторится? К несчастью для себя, София по-прежнему была по уши влюблена в своего мужа. Ни к кому другому она не испытывала подобных чувств. Такая влюбленность бывает раз в жизни. Ну, или два. Если очень повезет, то три. Хотя бы один такой мужчина встречается каждой женщине. Для Софии им стал Джек, и с помощью этого фильма она хотела его вернуть.

Несколько месяцев она прекрасно справлялась с перспективой развода. Теперь ей было хорошо известно, каково это – переживать личную драму у всех на глазах. Она принадлежала к числу тех знаменитостей, которые шагу не могут ступить, чтобы не попасть на первые полосы газет: «София Уэнтворт выгуливает собаку в сногшибательных черных легинсах» и т. д. В последнее время заголовки изменились: «Друзья беспокоятся о душевном здоровье Софии» (правда, София понятия не имела, кто такие эти «друзья»), «Бедняжка София скрывается от всех после разрыва с мужем». На улице чужие люди подходили к ней и давали советы, как будто знали ее или даже считали своей собственностью (в каком-то смысле она действительно им принадлежала).

Несмотря на все это, София вела себя достойно. Не болтала лишнего, не заедала горе ведерками мороженого, какие покупают для свадеб, не рыдала на кухонном полу. Не бросила заниматься фитнесом, благодаря чему ее талия осталась такой же, как до ухода Джека. Шикарная рыжая шевелюра тоже не утратила своего блеска. Муж Софии был эстетом, любил все красивое, а также ценил в людях талант и уверенность в себе.

И вот все усилия, которые она прилагала, чтобы соответствовать этим стандартам, пошли коту под хвост. Джек видел ее впервые после их расставания, а она была похожа на птицу без крыльев. Когда тебе приходится фигурировать перед камерой в нелепом виде, трудно поддерживать видимость того, что у тебя все прекрасно. София была не из тех актрис, которые весело и даже по-своему грациозно выставляют себя на посмешище: являются на ток-шоу в костюме цыпленка или шутки ради переодеваются в мужчину, и пускай, мол, все судачат об этом сколько угодно. Нет, София привыкла быть красивой. Привыкла, чтобы ее хотели. А теперь ей предстояло разрушить собственный образ. После этого от нее отвернется не только публика, но и он.

Ее уверенность в себе, еще недавно неколебимая, пошатнулась. Прячась в кулисах, она пробормотала:

– Макс, боюсь, я не смогу.

Макс вздохнул:

– Ну хорошо, я поговорю с костюмершей.

София выдохнула:

– Спасибо.

– Сегодня, кстати, его не будет.

– Я знаю, – ответила она, просияв.

– Тогда, пожалуйста, возвращайся на репетицию.

Она кивнула:

– Окей.

– Не унывай. Делай, как говорится, лимонад, если жизнь подсовывает тебе лимоны. Может, это будет к лучшему, – сказал Макс и повесил трубку.

София убрала телефон. Здоровенное перо, торчавшее из ее прически, задело трос и еще сильнее вонзилось острым концом ей в череп. Она была бы рада последовать совету своего агента и смотреть на ситуацию с оптимизмом, но пока это у нее не получалось. В очередной раз глотнув воздуха из пакета, она подумала: «Сейчас я разочарую своих поклонников и лишу себя последней возможности привлечь любимого мужчину». Она даже не сомневалась, что согласие сниматься в этом фильме – самая большая ошибка ее жизни.

Тревожное предчувствие только усилилось, когда София оглянулась и увидела, как из драпировки, за которой она сама несколько секунд назад пыталась спрятаться, ни с того ни с сего возник человек.

Глава 10

Джейн открыла глаза. Она была уже не в лесу, в домике егеря, а в каком-то огромном темном помещении. Лежала на полу, а вокруг колыхалось целое море черной материи. С потолка свисали веревки и еще несколько таких же полотнищ. Занавеси. Джейн села и увидела женщину, которая смотрела на нее расширенными глазами.

– Что со мной произошло?

– Вы появились из этой кулисы, – ответила женщина.

Ее платье было, как и платье Джейн, скроено а-ля грек, только ужасно блестело. Ткань так переливалась, что Джейн пришлось зажмуриться. Голову дамы украшало огромное страусовое перо, и она зачем-то дышала в мешочек из коричневой бумаги.

– Где я? – спросила Джейн, приподняв бровь.

Женщина в блестящем платье хмыкнула:

– Да вроде бы в Бате.

Джейн с облегчением вздохнула. Видимо, в домике лесника она задремала и сонная пришла сюда. Правда, до сих пор Джейн никогда не бродила во сне, но все однажды бывает в первый раз. В голове глухо стучало. Протерев глаза, Джейн внимательно огляделась. Судя по всему, она попала за кулисы какого-то театра. Странно, конечно, зато ей, по крайней мере, удалось остаться целой и невредимой. А то ведь в сомнамбулическом состоянии она могла забрести и в Эйвон.

– Буду признательна, если вы мне поможете. И позвольте представиться: мисс Джейн Остен.

Глаза женщины в блестящем платье сердито вспыхнули.

– Меня снимает скрытая камера? – проговорила она и, подышав в свой мешочек, поглядела в потолок, как будто там кто-то висел. – Думаете, вам удастся меня разыграть? Я на такое не подписывалась!

После этих слов дама развернулась и зашагала в глубь темного коридора.

– Прошу вас, вернитесь! – крикнула Джейн, но женщина не остановилась.

Тогда Джейн встала, пошла за ней и вскоре попала в большой, ярко освещенный зал. Здесь был бал. Мужчины и женщины танцевали, выстроившись двумя рядами. Музыка играла, однако музыкантов Джейн не увидела. Немолодая женщина в штанах стояла в стороне от танцующих и покрикивала на них как на детей:

– Раз, два, вперед, назад! Эй ты, в белом, почему опаздываешь?

Заметив, что женщина в штанах смотрит на нее, Джейн ткнула себя пальцем в грудь:

– Кто? Я?

Женщина кивнула. Подпрыгнув от удивления, Джейн прокричала через залу:

– Спасибо, я не расположена танцевать!

Вообще-то она обожала танцы, но сейчас ей было не до них. Слишком смущали ее все эти странные обстоятельства.

– Тебе не за то платят, чтобы ты стояла столбом! – крикнула, сверкнув глазами, носительница штанов.

Тем временем другая женщина, та, что в переливчатом платье, вошла в зал и, присоединившись к танцующим, вопросительно поглядела на Джейн.

– Ну? – снова крикнула свирепая дама в штанах.

Джейн пожала плечами, не понимая, почему она непременно должна танцевать. Среди присутствующих не было ее знакомых, да и зал выглядел как-то странно.

– Мадам, я не знаю рисунка, – сказала она, надеясь, что этой отговорки будет достаточно.

– Не мадамкай мне, – ответила женщина в штанах. – Это гримсток, мы его уже месяц репетируем.

– Милостивая госпожа, – возразила Джейн, смеясь, – пусть я и не лучшая в мире танцорша, но могу вас заверить: это что угодно, только не гримсток.

Музыка оборвалась на середине ноты. Одна из барышень ахнула. Все, кто был в зале, воззрились на Джейн. Носительница штанов направилась к ней широкими шагами и, подойдя почти вплотную, заявила:

– Это в точности тот самый гримсток, который танцуют в «Гордости и предубеждении» девяносто пятого! Где твой партнер?

– У меня его нет, – призналась Джейн.

Женщина огляделась по сторонам и указала пальцем на джентльмена, который стоял один в углу залы:

– Фред, хочешь станцевать в фильме?

Молодой человек вздрогнул от неожиданности и спрятался за колонну.

– Спасибо, не хочу, – ответил он из своего укрытия.

Женщина в штанах с нарочитой веселостью произнесла:

– А может, ты прославишься, как твоя сестра?

– Лучше не надо, спасибо, – усмехнулся джентльмен.

Однако женщина никак не хотела от него отстать:

– Ты же у нас красавец! Сложен, как Аполлон! Я поставлю тебя прямо перед камерой.

– Тормози, Шерил, не вгоняй меня в краску.

Женщина пересекла зал и принялась бегать за джентльменом вокруг колонны:

– Послушай, Фред, ты стоишь тут без дела, на тебе костюм. Ну разве тебе трудно? Давай! Пожалуйста, ради меня!

Уговоры не действовали на молодого человека. Он только ускорил свой бег по кругу. Наблюдая эту удивительную сцену, Джейн покачала головой. Она совершенно ничего не понимала.

– Шерил, я ужасно танцую. Если я соглашусь, ты сама об этом пожалеешь.

– Все будет супер! – произнесла женщина напористо. Поймав джентльмена за руку, она приволокла его к Джейн и буркнула: – Это Фред.

От столь неформальной рекомендации Джейн обомлела.

– Прошу прощения, сударыня. Могу я узнать его фамилию?

– Не можешь, – отрезала женщина. – Фред, это... – Она поглядела на Джейн и почесала затылок. – Забыла, как тебя зовут.

– Я и не говорила вам моего имени. Позвольте представиться: мисс Джейн Остен.

Женщина испепелила ее взглядом:

– Дорогая моя, если бы мне был нужен сарказм, я бы провела это время в обществе своей дочери. Фред, потанцуй с этой... с этим человеком.

Дама указала на Джейн презрительным кивком и толкнула ее к мужчине, чьего полного имени не удосужилась назвать.

Упав прямо ему на грудь, Джейн покраснела:

– Прошу прощения, сэр.

Фред помог ей восстановить равновесие, подхватив ее под локти. Руки у него были сильные.

– Все нормально, – произнес он.

Джейн поняла смысл этой фразы, хотя раньше никогда ее не слышала.

Женщина в штанах ушла. Фред неловко улыбнулся Джейн, она улыбнулась в ответ. Странно было танцевать с мужчиной, которого ей толком не представили, в зале, где она

прежде никогда не была. И все же отказать Фреду было бы слишком нелюбезно. Поэтому она повернулась к нему и стала в позу, промолвив с нервной усмешкой:

– Что ж, гримсток так гримсток.

Фред наклонился к ней и покачал головой:

– Извини, я правда не умею. Меня здесь вообще быть не должно. Ты подойди к третьему помрежу. Это тип, похожий на Дэнни Де Вито. Он тебе кого-нибудь найдет, окей? Ну пока.

Фред кивнул и зашагал прочь.

– Где ваше воспитание, сэр? – крикнула Джейн ему вслед. Ей и самой не хотелось с ним танцевать, особенно при столь непонятных обстоятельствах, однако мириться с грубостью было никак нельзя. – Вы неучтивы! – прибавила она для большего эффекта.

Фред обернулся:

– Чего-чего? – Джейн ожидала гнева, однако молодой человек улыбался. – Я неучливый? Знаете, меня как только не называли, но так еще ни разу!

Его улыбка рассердила Джейн. Понимая, что благовоспитанной женщине подобает быть сдержанной, она все же не собиралась терпеть столь оскорбительное пренебрежение. Каким бы образом она ни очутилась на этом балу, она здесь и не потерпит отказа от проходимца, которому штаны коротки.

– Вы прекрасно меня расслышали. Как смеее вы сперва пригласить женщину на танец, а потом вот так ее оставить? – Фрэнк уже повернул обратно, но Джейн решила быть непреклонной. – Не льстите себе мыслью, – продолжала она, – будто я хотела танцевать с вами. Мое негодование вызвано лишь тем, что вы выразили намерение быть моим кавалером – и тут же отказались от собственного слова. Уверяю вас, это соглашение не доставляло радости ни одной из сторон, однако соглашение есть соглашение. Нарушив его, вы оскорбили не меня, но всех присутствующих. – Фрэнк подошел уже совсем близко. Стараясь не обращать на это внимания, Джейн прокашлялась и, возвысив голос, заговорила быстрее: – В самом деле, не общество ли страдает в первую очередь, когда люди не желают танцевать друг с другом? – При этих словах Джейн воздела руку, яростно сжатую в кулак, однако опустила ее, поняв, что слишком сильное преувеличение может испортить эффект. – Если угодно, можете считать меня самой отвратительной женщиной во всем христианском мире. Но вы согласились со мной танцевать, – прибавила Джейн более мягким тоном и сглотнула.

Она говорила все это не ради себя (ведь ей и правда не нужен был этот танец), но ради всех отвергнутых женщин. Верх грубости – пригласить даму и взять приглашение обратно. Этого молодчика следовало проучить.

– Я не считаю вас отвратительной, – сказал Фред и посмотрел на нее.

Их глаза встретились. Джейн выдохнула, надеясь, что он этого не заметил.

– Так за чем же дело стало? – спросила она, отводя взгляд.

Фред пожал плечами:

– Я не люблю танцевать.

Джейн фыркнула:

– Какая жалость!

– То есть я плохо танцую. Честно говоря, я все делаю плохо. Думал, вы только обрадуетесь, что отделались от меня.

– Если вы не удовлетворены своими танцевальными умениями, то сейчас у вас есть возможность поупражняться.

Фред улыбнулся:

– Вы еще хуже Шерил. Вы всех партнеров так отчитываете?

– Только тех, кто меня бесит, – отрезала Джейн.

– Значит, всех.

Джейн почувствовала, как краешек ее губ дернулся, но не позволила себе улыбнуться, с раздражением подумав, что и так вела себя слишком несдержанно с незнакомым мужчиной.

Фред рассмеялся, и Джейн подавила возглас изумления. Никогда и ни у кого не видала она таких зубов. Они глядели на нее из его раскрытого рта – все до единого блестящие, белые, как слоновая кость, безукоризненно ровные, без табачной желтизны или другого изъяна.

– Ваши кюлоты слишком коротки, – заметила Джейн укоризненно и, указав на колени Фреда, отвернулась.

– Кюлоты? Вот как это называется? Других не было. Я тут вообще вроде как запасной. Таскаюсь за своей сестрой, приглядываю за ней. Она у меня звезда. Вон там стоит, впереди. Танцевать я не должен. Мне поручили просто стоять и шевелить губами, когда меня снимают.

– Снимают? – удивилась Джейн. – Вас? Откуда?

– Да ниоткуда. И, строго говоря, не меня, а фильм.

Ни с одним партнером по танцам Джейн не приходилось вести более странной беседы.

– Ну и? – произнес Фред.

– Ну и что? – повторила она.

– Танцевать-то будем или нет?

– Я думала, вы не хотите, – ответила Джейн.

– Не хочу, но ведь если я опять откажусь, вы меня побьете. К тому же без нашего танца общество может развалиться, – сказал Фред и холодно улыбнулся.

Джейн это не понравилось: право на холодность имела только она.

Он ухмыльнулся.

– Вы мне ухмыляетесь? – произнесла Джейн, вновь начав сердиться.

– Что вы, я понятия не имею, как это делается!

– Вы делаете это превосходно и довольно часто. Советую вам прекратить, ежели не хотите последствий.

Джейн ощутила внутри себя борьбу двух эмоций: полного замешательства и сильнеешего раздражения. Мужчина, стоявший перед ней, ежесекундно испытывал ее терпение.

– Музыку! – рявкнула Шерил.

Музыка снова заиграла – медленная, с нежной мелодией. Танцоры, мгновенно встрепенувшись, подровняли ряды. Фред повернулся к Джейн и, пожав плечами, протянул ей руки.

Она посмотрела ему в лицо и, слишком обескураженная странностью положения, на этот раз ничего не возразила. Его ладони показались ей большими и теплыми.

– Ну, – сказал он, – вступаем!

Музыка заиграла громче, Фред схватил Джейн и потащил ее по проходу между рядами. Она не попевала за ним: семенила невпопад, один раз чуть не упала и пару раз наступила своему кавалеру на ногу. Он рассмеялся:

– Так вот как вы танцуете?! И это после всего, что я от вас выслушал!

Разъяренная Шерил в мгновение ока очутилась рядом.

– Раз, два, вперед, назад и вокруг партнера! – отчеканила она, и ее слова прозвучали отрывисто, как барабанная дробь. – Тоже мне эксперт по гримстоку! Последнее предупреждение!

Носительница штанов исчезла так же стремительно, как и появилась. Джейн в отчаянии посмотрела на Фреда.

– Сэр, я в растерянности. Я не понимаю, зачем я здесь.

Она почувствовала, что слезы навернулись ей на глаза.

– Явно не для того, чтобы танцевать, – рассмеялся Фред. – У вас получается еще хуже, чем у меня.

Глаза Джейн мгновенно просохли. Теперь она рассердилась, причем сверх разумной меры.

– Как смеете вы смеяться надо мной, сэр, в эту трудную для меня минуту! – воскликнула она и прибавила: – Я не знаю шагов.

– Вижу! – сказал Фред.

Она воззрилась на него, потрясенная. Никогда еще у нее не было такого ужасного кавалера. Ей, конечно, доводилось танцевать с мужчинами, которые дышали на нее ромом, наступали на ноги, говорили глупости... Однако этот превзошел их всех. Ее туфельки оставались невредимы, а его дыхание было свежо (даже на удивление), но он был повинен в самом раздражающем из мужских грехов – высокомерии. С его лица не сходила сухая самодовольная улыбка человека, которому весь мир кажется шуткой.

– Уверяю вас, я умею танцевать, – сказала Джейн. – Да прекратите же смеяться! Что будет, если я не выучу этих шагов? Я не понимаю.

– Не видать вам фильма как своих ушей. Шерил – страшная женщина. Однажды довела до слез каскадера.

Джейн нахмурилась: судя по тону, Фред ее дразнил. Неслыханно! Рывкающая женщина в штанах превозносила его красоту, однако оснований для похвал Джейн не видела. Разве это красавец? Старше тридцати лет, нижнюю часть лица скрывает короткая борода, над губой золотятся усы, причесан небрежно... Да он просто отвратителен!

– Ваши волосы смотрят кто куда. – Джейн указала на голову Фреда. – Не удивлюсь, если их никогда не касалась гребенка.

– Сначала вы критикуете мои штаны, потом мою прическу. Может, вас еще что-нибудь не устраивает в моем внешнем виде?

Джейн поглядела на него:

– Покамест мне больше ничего на ум не приходит, но будьте покойны: я дам вам знать. А теперь покажите мне шаги.

– Не уверен, что это поможет, – опять рассмеялся Фред.

Джейн вышла из себя:

– Поздравляю вас, сэр! Вы самый неприятный из всех знакомых мне людей. Включая мою мать.

– Ваша мама неприятная? – отозвался Фред. – Значит, вы в нее.

Джейн вспыхнула:

– Если вы поможете мне хотя бы тем, на что способен ваш крошечный мозг, уверяю вас, я научусь этому танцу. Так вы знаете шаги?

– Вроде да, – ответил он, пожав плечами.

– Тогда, пожалуйста, покажите.

Она устремила на него ожидающий взгляд. Фред закатил глаза, а потом сделал нечто поразительное: схватил ее за обе руки и развернул.

– По-моему, это делается так, – сказал он мягко, – раз, два, вперед, назад...

Его ладонь оказалась на бедре Джейн. Обомлев, она молча двинулась с ним вдоль ряда танцоров в другой конец залы. Как ни возмутительна была та вольность, которую он себе позволил, Джейн старалась не замечать его прикосновения и полностью сосредоточиться на шагах. Он тихонько подсказывал:

– Раз, два... Вот так, хорошо.

При всей своей дерзости Фред оказался терпеливым учителем. Вел Джейн осторожно и чутко, помогал, если она оступалась, и не скупился на слова одобрения. Наконец они дошли до конца линии.

– Ну как? – спросила Джейн, облегченно вздохнув.

– Неплохо, наверное, – ответил Фред и, сменив терпеливый тон на прежний, оскорбительный, добавил: – Во всяком случае, лучше, чем в первый раз. Хотя это нетрудно: хуже-то было некуда.

Они продолжили танцевать. Пальцы Фреда слегка согнулись, обнимая ее талию. Ей осталось лишь надеяться, что он не заметит, как она замерла. Его прикосновение обезоруживало: оно было более чем фамиллярным, однако ничего особенно непристойного в нем не ощущалось. Просто Джейн не привыкла к такому малому расстоянию между собой и кавалером.

– Извините, если схватил вас слишком крепко, – сказал Фред. – Вы такая хрупкая... Надеюсь, я вас не сломаю.

– Я тоже на это надеюсь, – ответила Джейн.

Он засмеялся, она улыбнулась, довольная собой.

– Готовы ко второму раунду? – спросил Фред. – Справитесь? Еще один разок, и все будет позади.

– Жду с нетерпением.

Скрипки сделали крещендо, меланхолическая мелодия набрала темп, и Джейн с Фредом вновь затанцевали по живому коридору. Он вел нежно, их тела двигались в унисон. Хотя она больше не ошибалась, что-то все равно ее смущало. Какое-то чувство, которое не скоро забудешь. Стоило ей пошевелить рукой, его рука тут же ее ловила. Стоило ей отвернуться, он снова ее встречал. Одно тело начинало фразу, другое заканчивало. Джейн ощущала дыхание Фреда на своей шее, чувствовала сквозь рубашку его ключицы. Ни с одним другим кавалером она так не танцевала. Это сердило ее и сбивало с толку.

Как этот отталкивающий субъект умудрялся ловко ею вертеть? Как смел так ласково к ней прикасаться?.. Вопреки его же собственным словам, он был хорошим танцором: двигался легко и в такт. Впрочем, это наблюдение Джейн предпочла оставить при себе.

Когда они дошли до конца ряда, остальные танцоры одобрительно загалдели и хлопнули в ладоши. Джейн улыбнулась, лишь теперь заметив, что запыхалась. Фред шутливо поклонился, она сделала то же. Они не смотрели друг на друга, но она продолжала ощущать на своей спине его теплую руку. Шерил, кивнув им, проворчала:

– Ничего. Видала и похуже.

Джейн любила танцевать. В девятнадцать лет на недостаток партнеров она не жаловалась. Застенчивые молодые джентльмены едва поспевали за ней, а она, радостно кружась с ними по залу, высмеивала чужие дурацкие шляпки и ленты. Видя, как откровенно она флиртует, люди называли это очарованием юности. Но когда ей перевалило за двадцать и многие ее ровесницы превратились в замужних дам, желающих танцевать с ней поубавилось. В двадцать пять лет Джейн уже радовалась, если ее приглашали на один танец из десяти. Стоя у стены, она затаивала дыхание всякий раз, когда к ней приближался мужчина, и сокрушенно выдыхала, когда он предлагал руку другой барышне, более молодой. Иногда кавалер, пригласивший Джейн на два танца, просил извинить его после первого. Догадавшись, что он понял, сколько ей лет, она с улыбкой его отпускала. Пары проносились мимо нее, а она изо всех сил старалась не показывать, как ей горько. Особенным успехом пользовались женщины, у которых грудь открыта, а рот закрыт. Джейн наблюдала за ними и пыталась подражать их поведению.

Кассандра, наделенная более мягким нравом, осторожно советовала сестре чаще улыбаться. Увы, не помогало. Джейн силилась казаться милой, а на лице сама собой возникала хмурая гримаса. К двадцати восьми годам она привыкла сидеть в углу и быть предметом шуток. Покидая бал в мрачном настроении, она ворчливо сетовала на скучное общество, в то время как сердце у нее болело.

Джейн посмотрела на Фреда и не смогла определить выражение его глаз. Те мужские взгляды, которые были ей привычны, выражали либо недоумение (когда она рассуждала о философии), либо жалость (когда она говорила о своей любви к одиноким прогулкам по лесу), либо (это нравилось ей больше всего) пренебрежение: подойдя поближе и увидев морщинки вокруг глаз Джейн, кавалер вспоминал, что она к тому же бедна, и чувствовал себя оскорбленным. Тратить время на немолодую бесприданницу было ниже его достоинства.

Но этот мужчина смотрел иначе. Как именно, Джейн сказать затруднялась. Похоже, он старался... Да, он старался на нее не смотреть, как будто бы уже выразил своим взглядом слишком много.

Сама Джейн тоже вела себя странно. Она словно тянулась к этому несносному человеку, желая получше разглядеть и расслышать его, хотя он был рядом и говорил вполне внятно. Возможно, ей хотелось приблизиться к нему, чтобы, как только он скажет очередную глупость, незамедлительно дать ему отпор? Да, наверняка. Джейн приказала своему лицу отдалиться от его лица, но мышцы не послушались. Тело своевольно продолжало делать то, что задумало.

Глава 11

– Спасибо, дорогие, на сегодня все! – крикнула Шерил.

Танцоры вновь принялись хлопать в ладоши и обниматься.

– Похоже, вы выжили, – сказал Фред, пожав плечами.

– Наверное, я должна поблагодарить вас за помощь, – проговорила Джейн с неохотой.

Он сунул руки в карманы.

– Кое-кто из ребят собирался пойти после репетиции в кафе на Мэй-стрит. Я не актер, но тоже могу нахлобучить берет. Сядем в какой-нибудь прокуренный угол, выпьем латте, поговорим о нашем «ремесле»... Как вы? – Фред кашлянул и поглядел в сторону.

Если до сих пор смеялся главным образом он, то теперь настала очередь Джейн. Она не знала, что такое латте, но поняла, что ее куда-то приглашают.

– Прошу прощения, вы предлагаете мне куда-то с вами пойти?

Фред поглядел на нее и энергично замотал головой:

– Конечно же, нет. Я просто говорю вам, где я буду. Если вы тоже туда собираетесь, то мы можем там пересечься.

– Но разве я не самый неприятный человек и не худший партнер для танца из всех, кого вам доводилось встречать?

– Именно так, – ответил Фред.

– Тогда в чем же дело? – опять рассердилась Джейн и с вызовом прибавила: – По-моему, сэр, вы все-таки пытаетесь меня куда-то пригласить.

– Ладно, считайте, я ничего не говорил.

– Я приду, – выпалила Джейн, не думая. – Так уж вышло, что сегодня я свободна.

Она скрестила руки на груди.

– Хорошо. Тогда, может, вместе пойдем, если вы не знаете, где это кафе? – ответил Фред, и в его голосе прозвучало так мало воодушевления, что Джейн пожалела о своем неосмотрительном согласии.

– Чайная зала, о которой вы упомянули, действительно неизвестна мне, поэтому я буду вам признательна, если вы меня сопроводите.

Джейн еще раз посмотрела ему в лицо. Он дышал довольно тяжело, хотя стоял на месте. Нет, этот странный Фред не то что мистер Уизерс. Совсем не то. Мистер Уизерс привлек ее элегантной непринужденностью речи и манеры держаться, а Фред, скорее, похож на нее саму. Такой же неловкий. Джейн покачала головой. Ей никуда не хотелось идти с этим мужчиной, ей хотелось пойти куда угодно с мистером Уизерсом. Не следовало принимать это приглашение, но и отказаться она не могла – после той пламенной речи о верности слову, которую она сама давеча произнесла. Выбора не было. Пришлось набраться терпения.

– Тогда я пойду переоденусь? – сказал Фред, пожав плечами. – Вы, наверное, тоже?

Джейн оглядела свое платье.

– По-вашему, сэр, я должна переменить одежду? Но у меня ничего другого нет.

Фред фыркнул:

– Вы же не пойдете по улице прямо так?

– Мой вид оскорбляет вас, сэр?

Он устало вздохнул:

– Нет.

Джейн нахмурилась. До чего все-таки странный человек!

– Я на пять сек, – сказал Фред.

Прежде чем Джейн поняла смысл этой фразы (которая не только грешила против грамматики, но и содержала в себе чудовищную гиперболу), его худощавый силуэт, выделявшийся

на фоне опустевшей залы, успел значительно удалиться. Фалды фрака развевались при ходьбе. Волосы, довольно темные, были острижены коротко, за исключением нескольких легких прядей, падавших сзади на воротник. Фред показался Джейн похожим на моряка. Плавал ли он по морям, как ее братья?

Он исчез за занавесками – там, по-видимому, хранилось его сменное платье. Джейн покачала головой. Нигде: ни на балу, ни в театре, ни в гостях – она не видела этого человека, хотя маменька всюду ее таскала. Она вообще никого не узнавала. Впрочем, вероятно, все эти люди были приезжие?

Джейн в очередной раз посмотрела по сторонам. С тех пор как она очнулась на полу среди занавесей, уже прошло некоторое время, но она по-прежнему чувствовала себя странно. Гости на балу, включая ее кавалера, вели себя удивительным образом. И разговаривали тоже. Причем дело было именно в том, что говорилось, а не в том, как. Слыша, казалось бы, привычную южноанглийскую, кентскую, сомерсетскую и лондонскую речь, Джейн понимала далеко не все. Многие выражения и сокращенные слова были ей незнакомы, хотя, поразмыслив, она и могла догадаться, что они означают. Одна танцовка, к примеру, сказала: «Шерил сегодня вышла на тропу войны». Джейн не вполне поняла это утверждение и все же мысленно согласилась с ним.

Убранство залы тоже настораживало. На одной из картин, развешанных по стенам, изображался мужчина, стоящий перед зданием, похожим на Батское аббатство. И человек, и пейзаж были написаны так правдоподобно, будто вот-вот сойдут с полотна. Потом Джейн по-прежнему не понимала, откуда бралась музыка, если поблизости нет ни скрипок, ни виолончелей, ни фортепьяно. Она слышала все эти инструменты так хорошо, как будто они находились в этой же комнате. Их звуки до сих пор звенели у нее в ушах. Пахло в зале парафином и каким-то очень сильным очистительным веществом. В воздухе не ощущалось ни малейшей примеси гари или копоти, хотя было тепло, словно горел камин. Джейн недоуменно вздернула бровь.

Мужчина в штанах, которые не прикрывали ему даже колен, подошел к ней с какой-то бумагой.

– Неплохо, дорогуша. Вот тебе вызывной лист на завтра. Будет еще одна репетиция в костюмах.

Джейн внимательно поглядела на документ. Это был удивительно четко напечатанный перечень имен с цифрами. Вверху страницы стояла какая-то невероятная дата – очевидно, выдуманная.

– Я не понимаю, сэр, что я должна репетировать, – сказала она, возвращая мужчине бумагу.

Он нахмурился и, глядя в какой-то другой список, спросил:

– Как вас зовут?

– Я всем уже назвала мое имя: Джейн Остен.

– А на самом деле?

Она только пожала плечами. Мужчина посмотрел на нее с подозрением:

– От какого вы агентства?

– Я вас не понимаю, – сказала Джейн дружелюбно.

Он покачал головой:

– То есть ни от какого... Как вы сюда попали?

– Сюда – из кулис. А как я попала в это здание, я и сама не знаю.

Почему-то рассердившись, мужчина схватил ее за локоть:

– Вы одна из этих дамочек, помешанных на Джейн Остен, да? Пришли объяснять нам, как правильно шить костюмы? Не тратьте время занятых людей. Уходите.

– Я должна дождаться джентльмена, с которым танцевала, – произнесла Джейн с неохотой.

У нее не было ни малейшего желания дожидаться Фреда, но и уйти без объяснений она не могла. Даже пренеприятнейший человек заслуживает более учтвого обхождения.

– Слышать ничего не хочу. Тебе еще повезло, что сегодня здесь нет никого из главных. Если бы ты попала на глаза Джеку Трэверсу, он сделал бы так, чтобы тебя в этом городе больше никуда не взяли. Так что проваливай, пока я охрану не вызвал.

С этими словами мужчина толкнул Джейн к дверям. Она содрогнулась. С ней никогда еще не разговаривали в таком тоне, и уж тем более никто не позволял себе вот так бесцеремонно ее хватать! Она попыталась воспротивиться:

– Пожалуйста! Я должна дождаться моего... спутника...

Однако мужчина вытолкнул ее прочь, в темноту. Дверь захлопнулась, гулко щелкнул замок. Джейн постучала – ответа не последовало.

Ночная улица встретила ее холодным молчанием. Обойдя здание, она обнаружила с другой стороны еще одну дверь, та тоже была заперта. Джейн не знала, что ей делать. Решив ждать Фреда, простояла с полчаса. Он так и не появился. Из-за дверей не доносилось никаких звуков, окна не горели. По-видимому, все ушли. Ждать дольше не имело смысла. К тому же час, наверное, был уже настолько поздний, что маменька в отчаянии рвала на себе волосы.

Со вздохом признав безвыходность своего положения, Джейн побрела в город. Ориентиром ей служил железный шпиль Святого Суизина, черневший на фоне неба. Дойдя до каменных ступеней церкви, она огляделась. Выложенная булыжником дорога вела к мосту Палтни. Джейн пошла по ней и пересекла Эйвон, с мягким шумом несший свои воды. Затем торопливо зашагала по Грейт-Палтни-стрит. По обеим сторонам улицы высились величественные здания, похожие на сине-черные тени. На Сидни-Плейс Джейн свернула налево. Вот и ее дом. Она с облегчением вздохнула: толпа любопытных горожан рассеялась, на улице никого не было.

Джейн постучала в парадную дверь и, не получив ответа, позвала:

– Маргарет!

Служанка не вышла, зато из окна второго этажа раздался незнакомый голос:

– Чего вам?

Джейн вздрогнула от неожиданности. На нее смотрел мужчина в одном исподнем. Если собственные глаза не лгали ей, он стоял в ее спальне.

– Я Джейн Остен, сэр, – сказала она растерянно. – Я живу в этом доме. Прошу вас, впусти меня.

– Пожалуйста, уходите, – ответил он. – Я уже предупреждал вас, фанаток: еще раз заявитесь сюда ночью – вызову полицию.

– Я не понимаю! И мне холодно! Будьте так любезны, откройте дверь! – взмолилась Джейн, чувствуя, что выглядит жалкой. – Или хотя бы позовите Маргарет, пускай она меня впустит.

Мужчина вздохнул:

– Послушайте, я ничего не имею против вашего увлечения ее книгами. Даже наоборот. И костюм у вас классный. Но у меня здесь гостиница, и я не хочу, чтобы вы своими криками перебудили гостей.

Он закрыл окно и опустил жалюзи, а когда Джейн снова постучала в дверь, крикнул:

– Звоню в полицию!

Джейн покачала головой. Не зная что и думать, она осталась ждать на темной улице перед домом. Прошел час, но никто не вошел и не вышел. Начался дождь. Струи холодной воды били по коже, Джейн тряслась. Нужно было найти какое-то убежище, пока она не превратилась в ледяную статую. Отчаявшись проникнуть в Сидни-Хаус, Джейн снова пересекла Эйвон по мосту и заспешила к церкви Святого Суизина, где служил ее отец. Проникнув внутрь через открытое окно, она отыскала красные бархатные подушечки для молитвы, разложила их на

мраморном полу и легла. Несмотря на холод, усталость мгновенно взяла верх над нервным возбуждением. Веки сомкнулись.

Глава 12

Джейн разбудило прикосновение какого-то тупого предмета к ее плечу. Она открыла глаза. Старик в священническом воротнике тыкал в нее тростью.

– Нужен крэк, дорогая? – спросил он шепотом.

Джейн протерла глаза.

– Да перестань ты со своим крэком! Совсем заиклился. Думаешь, все на нем сидят? – проговорила пожилая женщина, стоявшая рядом с пастором, и покосилась на него с многолетней усталостью во взгляде, из чего Джейн заключила, что это жена преподобного.

Он пожал плечами:

– Судя по ее виду, ей не помешало бы курнуть. Дорогая, на остановке тридцать девятого автобуса стоит такой смешной парень. Зовут Корка. Говорят, цены у него умеренные. Он вам поможет.

– Вы знаете Джорджа Остена? – спросила Джейн. – Это мой отец. Он служил здесь викарием.

Священник покачал головой:

– Наверное, это было до меня... Не хотелось бы вести себя не по-христиански, но я вызвал полицию.

Джейн испуганно села.

– Полицию? Зачем? Что я сделала?

– Извините, я увидел, как вы тут разлеглись, и запаниковал. Вообще-то я не из тех, кто чуть что звонит копам. Может, хорошенькая доза сгодится в качестве компенсации? Вам нравится крэк?

– Не знаю, – ответила Джейн, озадаченно глядя на пастыря.

– Вот видишь, Билл! – воскликнула старая женщина, дергая его локоть. – Она не наркоманка.

На жене преподобного было платье, разрисованное подсолнухами. Ткань трепетала на ветру, проникавшем в церковь через окно, которое Джейн оставила открытым.

– Да, Перт, я вижу, спасибо, – сказал священник, состроив гримасу, и закрыл окно. – Но что я мог подумать, если она спала на полу? В общем, – его рука опустилась на плечо Джейн, – полиция едет. Будут здесь с минуты на минуту. Но я вас предупредил, значит, вы получаете фору. Думаю, вам стоит поторопиться.

Дубовые двери распахнулись. Двое мужчин в черном вошли и стали озираться.

– Оперативно, – заметил священник.

Джейн вскочила на ноги.

– Это констебли?

– По-моему, один из них – сержант, если говорить точнее, – ответил пастор, оценивающе глядя на вошедших, которые уже шагали по проходу. – Но в общем, да.

– Что же мне делать?! – умоляюще воскликнула Джейн.

– Бежать. Через тот выход.

Джейн бросилась в алтарь, а оттуда в ризницу. На стене была прикреплена какая-то табличка. Джейн невольно остановилась, увидев краем глаза свое имя. «Джейн Остен молилась в этом храме с 1801 по 1805 г.», – прочла она. Постояла секунду в полном недоумении и прочла еще раз. Сердце учащенно забилося. Между тем мужчины в черном были уже совсем близко. Джейн покачала головой и, не успев разобраться, что же это за странная надпись, выбежала на улицу. Привыкнув к дневному свету, который ударил ей в глаза, она ахнула.

Место, где она очутилась, было очень похоже на Бат. Вдоль Нортгейт-стрит по-прежнему тянулись каменные здания медового цвета. Насосная зала по-прежнему упрямо стояла у под-

ножия холма. Но вокруг каждого дома дюжинами громоздились непонятные сооружения из стекла и металла – от их вида у Джейн стали слезиться глаза. По дороге стремительно пронесся экипаж: он ехал сам, без лошади. Джейн с криком бросилась в сторону и ухватилась для надежности за железное ограждение. Мужчина с лиловыми волосами и в черных кожаных панталонах протянул ей листок едко-розового цвета, блестящий, как бриллиант. На нем было написано: *Марш в защиту прав трансгендеров. Завтра в 4 ч.*

– Костюм супер! – сказал мужчина, указывая на муслиновое платье Джейн. – Приходите в нем.

– Боже правый! – воскликнула она и, пройдя мимо мужчины в исподнем, увидела нечто еще более непристойное – женщину, чья юбка доходила только до середины ноги, не прикрывая даже коленных чашечек, развратно выпирающих под бледной кожей.

– Сударыня, я вижу ваши лодыжки! – крикнула Джейн.

И как на эту несчастную до сих пор никто не набросился? Джейн прикрыла глаза ладонью. А женщина только поморщилась и преспокойно зашагала дальше. От обилия обескураживающих картин у Джейн закружилась голова.

– Эй, вы! Стойте! – крикнул кто-то.

Увидав, что к ней быстро приближаются полицейские из церкви, Джейн бросилась бежать. Ориентируясь по неяркому английскому солнцу, она выбрала южное направление. Улица называлась по-прежнему, Нортгейт, однако теперь табличка висела на невероятно высоком стальном здании. Переулок, позволявший сократить путь к мосту Палтни, исчез. Джейн натолкнулась на кирпичную стену. Оглушенная ударом, с садиной на лбу, она повернулась и опять побежала прямо, к Насосной зале, которую, по крайней мере, узнавала.

Когда Остены переехали в Бат, Джейн очень скоро выучила город как свои пять пальцев. С детства она прекрасно умела читать карты, легко запоминала расположение предметов в пространстве, названия и числа. Она знала каждый кирпич во всех захудалых переулках, каждую колонну при входе в напыщенные бальные залы, каждую роспись на стенах переполненных кондитерских. Но теперь собственная память как будто бы насмеялась над нею. Ничто не оказывалось там, где должно было быть.

Если Джейн приходилось искать пропавшие переулки и наткаться на незнакомые сооружения, то двое мужчин, которые гнались за ней, чувствовали себя в изменившемся городе как рыба в воде: быстро огибали углы зданий и выбоины на мостовой. Несмотря на то что Джейн выбежала из церкви на несколько минут раньше их, они уже были в каких-нибудь двадцати футах от нее. Она помчалась во весь опор, силясь обуздать свое смятение. Ей вовсе не хотелось быть пойманной констеблями в этом то ли Бате, то ли не Бате.

Вдруг на площади она заметила знакомое лицо – лицо женщины, которую увидела накануне, когда очнулась на полу среди занавесей. Вместо вчерашнего переливчатого платья на даме были штаны и мужская рубашка. Глаза заслоняли огромные очки с черными стеклами.

– Сударыня! – крикнула Джейн.

Женщина только нахмурилась, однако не остановилась. Джейн догнала ее и умоляюще проговорила:

– Подождите! Вы должны мне помочь!

– Ничего я вам не должна! – бросила она через плечо и зашагала дальше.

Джейн последовала за нею и очутилась в толпе женщин, собравшихся перед Насосной залой. Снова эти голые колени и груди, от которых приходилось отворачиваться! Людское море расступилось, и дама зашагала по освободившемуся коридору. Справа и слева от нее шли мужчины, одетые в жилеты и больше почти ни во что. Джейн схватила даму за руку и оттащила в сторону – в небольшой проход сбоку от входа. Здесь их не видели ни полицейские, ни толпа. Женщина вздохнула:

– Ну хорошо. Чего вы хотите? Селфи? Автограф? Поздравительное видео для бабушки? Я согласна при одном условии: потом вы оставите меня в покое.

Джейн взволнованно огляделась; к счастью, констеблей поблизости не было. Она пожалала плечами и помотала головой:

– Ничего из того, что вы перечислили, я не прошу. Эти вещи мне незнакомы.

Женщина шумно выдохнула:

– Боже мой! Каких только поклонников я не повидала, но вы их всех сделали! Так чего же вам надо?

Джейн отступила на шаг назад и, окинув даму изучающим взглядом, спросила:

– Почему вы все время от меня убегаете? Вот и вчера вы так сделали...

Женщина уперлась руками в бедра:

– Хороший вопрос. Во-первых, вы на моих глазах непонятным образом появились из занавеса. Во-вторых, вы ходите за мной по всей этой деревне. Какому здравомыслящему человеку понравится, когда его преследуют? – произнесла она, вопросительно вздернув бровь.

Джейн кивнула:

– Пожалуйста, дайте мне возможность объясниться, и тогда вы будете вольны уйти.

Женщина смерила Джейн взглядом и пожалала плечами. Та продолжила:

– Вчера я заснула в одном городе, а проснулась в каком-то другом. Люди здесь носят мало одежды, дома построены из стекла и стали. Все находится не там, где было раньше. За мною почему-то гонятся констебли. Я в совершеннейшей растерянности. Пожалуйста, помогите мне выбраться отсюда. Взамен я бы тоже могла что-нибудь для вас сделать.

Женщина как будто бы задумалась над этим предложением. Наконец она скрестила руки на груди и кивнула:

– Окей.

Джейн встрепенулась от неожиданности, не понимая, чем вызвана такая перемена в настроении дамы.

– Так, значит, вы мне поможете?

– Помогу, – ответила женщина. – Если вы поможете мне.

– Конечно, – сказала Джейн. Она прекрасно понимала, что пользы от нее немного, но это обещание было единственным способом избежать ареста. Размышления о последствиях приходилось отложить до лучших времен. – Как ваше имя?

Женщина прищурилась:

– Вы серьезно? Вы не знаете, кто я? – Она сняла черные очки и стала в позу Венеры в «Рождении Венеры». – Ну а так?

– Я вас не узнаю, – ответила Джейн.

– С ума сойти! – выпалила женщина, по-видимому, рассердившись. – Я София Уэнтворт. Она протянула руку, которую Джейн с готовностью пожалала, сказав:

– А я Джейн Остен.

Глава 13

Ситуация вдруг прояснилась в глазах Софии Уэнтворт, как проясняется картинка в объективе кинокамеры. Накануне, когда странная девушка материализовалась из занавеса, она, София, приписала это игре своего мозга, который, питаясь воздухом из пакетика, испытывал недостаток кислорода. Теперь же ей стало ясно: гипоксия здесь ни при чем. Джейн Остен, возникшая из горы черного бархата, – задумка продюсера. Он решил привлечь внимание к проекту при помощи избитого приема – розыгрыша, заснятого на скрытую камеру. Теперь все стало очевидно.

София поежилась, вспомнив о своем слезном звонке агенту. Он ведь наверняка участвовал в этой шутке. В свое время она сама в его присутствии предложила снять фильм о фильме, в котором фигурировала бы Джейн Остен (это был бы бонус для дивиди). Тогда продюсеры сказали нет – видимо, для того, чтобы запланированный розыгрыш выглядел убедительнее. Ну конечно. Они хотели заснять вопли перепуганной, ничего не подозревающей Софии. Вот и спрятали за кулисами артистку, одетую как Джейн Остен. Та выпрыгнула из занавеса, но София не испугалась «привидения». Пришлось повторить попытку сегодня.

Она была занята своими делами (заново знакомясь с родным городом), когда актриса в костюме опять пристала к ней. Девушка иногда сильно переигрывала, и это раздражало. Более того, это было оскорбительно для Софии. Похоже, продюсеры совсем ее не уважают, если не удосужились подыскать для своего фарса сколько-нибудь приличную артистку. Таковую, которая окончила хотя бы летние курсы в лондонском «Актёрском центре». У этой девицы, судя по тонкости ее игры, все резюме состоит из проваленных проб для рекламы шампуня. Какая наглость!

Ну ничего, София тоже позволит себе повеселиться. Отплатит продюсерам за неуважение. Костюмированный розыгрыш со скрытой камерой – вещь недешевая. Поэтому пускай он затянется так, чтобы студия потратила как можно больше денег на операторов, сценаристов, реквизит и прочее. София подыграет, но сделает это с совершенно невозмутимым видом. Будет вести себя так, будто нисколько не сомневается, что девица в костюме – ее любимая писательница, умершая двести лет назад. Продюсеры будут чесать затылки, тратясь на производство совершенно бесполезного материала. А если он получится небесполезным, тем лучше. Это возможность произвести впечатление на Джека.

– Так, значит, вы Джейн Остен, – сказала София.

– Да, – ответила нанятая продюсерами актриса.

Ее взгляд беспокойно бегал по стенам зданий и по лицам людей, проходивших мимо.

– И вы согласились мне помочь.

София решила закрепить договоренность, чтобы другая сторона не соскочила.

– Конечно, – неуверенно подтвердила девушка. – Чем я могу вам услужить?

– Я должна смотреться хорошо, – прошептала София, остерегаясь камеры. – Помогайте мне в этом. Если я неудачно стою, направьте меня так, чтобы свет падал выгодно. Подсказывайте мне, как выстраивать мизансцену. Я к вам не в претензии, я могу работать с непрофессионалами. Давайте вместе спасем этот дурацкий спектакль. Только вы должны совершенно вжиться в роль. Ведите себя так, будто сами верите, что вы Джейн Остен.

– Но я и есть Джейн Остен.

– Прекрасно! Продолжайте в том же духе и не забывайте следить за тем, чтобы я выглядела красиво, привлекательно. Думаю, у нас все получится.

София ободряюще потрепала девушку по плечу.

– Я тоже на это надеюсь, – сказала та.

– Окей. Значит, договорились. – София выпрямилась и заговорила громче: – Так что же мы с вами будем делать, Джейн Остен?

– Мой туалет, – Джейн указала на свое длинное платье с завышенной талией. – По какой-то причине он привлекает всеобщее внимание.

– Верно. Сейчас мы вас переоденем. Ждите здесь, София вас спасет.

Она вышла из проулка и зашагала вверх по Столл-стрит. Джейн крикнула ей вслед:

– Вы вернетесь?

* * *

София вернулась, причем с мешком одежды.

– Надевайте.

Она собиралась купить для своей новой протезе что-нибудь шикарное. Например, костюм из «Харви Николс» в духе Одри Хепберн. Но открыт был только благотворительный магазин общества «Самаритяне». Продавщица, похожая на квадрат, всучила ей брюки и жакет из коричневой ткани в турецких огурцах.

– Надеюсь, надев это, я буду соответствовать здешней моде и перестану выделяться, – сказала Джейн, оглядывая костюм не без некоторой тревоги.

– Вы будете выглядеть великолепно, – ответила София. Она знала, что на самом деле девушка будет выглядеть нелепо, но ничего другого найти не удалось. – Переоденьтесь вон там, – она указала на деревянные ящики, сложенные штабелями.

Шмыгнув в укрытие, Джейн пригнулась и торопливо сняла платье.

– Но это же мужская одежда!

– Сейчас женщинам можно носить брюки, – пояснила София, входя в роль.

Она посмотрела вверх: из-под крыши здания прямо на нее смотрела камера видеонаблюдения. София сделала вид, будто ничего не заметила, но развернула плечи и приподняла подбородок, чтобы поймать свет.

– Мне уже случалось надевать штаны, мисс Уэнтворт, – сказала Джейн. – Я представляла короля Георга в «Ужасной истории Англии» – пьесе, которую мы разыгрывали с моими братьями и сестрой.

– Пожалуйста, зовите меня просто Софией.

Ей не хотелось, чтобы Джек и многочисленные зрители слышали, как к ней обращаются по фамилии. Это звучит старомодно.

– Как удивительно! Вот и вчера я заметила, что все называют друг друга одними крестильными именами... Исподнее можно оставить?

– Сейчас принято обходиться без фамилий. Да, оставьте белье, – сказала София рассеянно.

Она обдумывала свою стратегию. Нужно было вести себя так, будто ничего не подозреваешь, и под этим предлогом высказывать интересные глубокие соображения о современности, чтобы вернуть себе внимание Джека.

Тем временем Джейн запихнула скомканную сорочку в брюки, а сверху напялила жакет.

– Так? – спросила она растерянно.

София окинула ее взглядом. Маленькое тело совершенно утонуло в цветастом полиэстере. Прическа осталась прежней – в стиле эпохи регентства. Пучок на затылке и кудряшки, обрамляющие лицо. Девушка была похожа на съездившегося клоуна.

– Потрясающе, – уверенно сказала София, подкатав ей пояс штанов (чтобы не болтались), и осторожно выглянула из проулка.

Все было чисто. Ни справа, ни слева никаких «полицейских». София махнула Джейн, чтобы та следовала за ней, и они вместе вышли на Рейлуэй-стрит.

– Ну, – начала София, ища глазами камеру. Камер не было видно, наверное, их хорошо замаскировали. Только бы в кустах никто не сидел! Когда тебя снимают снизу, выходит ужасно. – Значит, вы воскресли?

– Прошу прощения? – произнесла Джейн.

– Или, может быть, вас клонировали из ДНК, найденного на шляпке? – усмехнулась София.

Она старалась помочь молодой актрисе, которая, похоже, не умела импровизировать. Однако та молчала, по-прежнему изображая полное недоумение.

– Вы ведь попали в совершенно другую эпоху. Мне интересно узнать, как это произошло. Девушка наконец-то немного отмерла. Испуганно уставившись на Софию, она спросила:

– В другую эпоху? В какую же?

София выдержала паузу и улыбнулась. Настал кульминационный момент. Нужно было сыграть его хорошо.

– Какой, по-вашему, сейчас год? – произнесла она будничным тоном.

– Тысяча восемьсот третий от Рождества Христова, – ответила молодая актриса растерянно (эта реплика прозвучала довольно убедительно).

София кивнула, приоткрыла рот и, подождав секунду, выдала ответ:

– Боюсь, что вы заблуждаетесь. Сейчас две тысячи двадцатый.

– Боже правый! – воскликнула девушка и, выпучив глаза, принялась расхаживать по кругу.

Потом опустила веки, села на землю и как будто потеряла сознание. София встряхнула ее за плечо и подула ей в лицо. Она очнулась и пробормотала:

– Число на бумаге... Вчера...

– На какой бумаге? – спросила София, не зная, уместно ли будет сказать: «Вставайте» (артистка изображала шок, и мешать ей, пожалуй, не стоило).

Джейн объяснила, что накануне чуть не подписала какой-то документ.

– Вызывной лист для репетиции? Да, на них всегда ставят дату. Сейчас две тысячи двадцатый.

Исполнительница роли Джейн Остен содрогнулась. Это шоу уже начинало нравиться Софии. Кажется, она недооценивала молодую артистку. Та вполне правдоподобно изображала недоверие и ужас – реакцию на потрясающее известие, эффектно преподнесенное Софией. Не беда, что все это снималось не в павильоне и, вероятно, не на профессиональную камеру. Подлинные чувства очень трогают зрителей. История про человека из позапрошлого века, перенесенного в наши дни и оказавшегося в ловушке, проймет даже самые черствые сердца.

Глава 14

Джейн подалась вперед и сделала вдох. Скучное содержимое желудка (накануне она ничего не ела, кроме трех печений, взятых из дома перед поездкой в Лондон) попросилось наружу, но она подавила тошноту, решив сперва во всем разобраться.

– Этого не может быть. Я вам не верю, – сказала она женщине, которая просила звать ее Софией.

Видя поразительные изменения, произошедшие с городом, Джейн все же надеялась, что ослышалась. София подозвала прохожего, очередного полуодетого мужчину, и спросила его:

– Извините, сэр, какой сейчас год?

– Я вас где-то видел. – Он приподнял очки. – Вы не из «Колеса фортуны»?

София закрыла лицо руками.

– Нет. Так какой сейчас год, сэр?

– Двадцать-двадцать, – раздраженно фыркнул мужчина, сочтя, по-видимому, что ему задали глупый вопрос.

Вернув очки на прежнее место, он ушел. София повернулась к Джейн:

– Видите?

Джейн поморщилась. Ее положение выглядело все хуже и хуже. София достала из мусорной урны газету и показала Джейн:

– Вот, смотрите еще.

На первой странице был нарисован человек, произносящий какую-то речь. Рисунок был так же ужасающе правдоподобен, как та картина, которую Джейн видела во вчерашней бальной зале. София указала на число, напечатанное сверху листа: 2020.

Джейн задрожала, снова ощутив тошноту. Она поглядела на Софию. Может быть, леди Джонстоун и ее армия сплетниц затеяли такую большую шутку, чтобы получить от несчастья Остенов побольше удовольствия? Конечно, весьма странно, что кто-то пошел ради такой цели на столь немалые расходы (нанял актеров, подделал газету), но другое объяснение – София говорит правду – казалось и того нелепее.

Еще одна стальная карета без лошадей пронеслась мимо с ужасающим шумом. Каким образом могла Джейн переместиться во времени? Какой механизм помог ей совершить это деяние, сокрушающее и ум, и плоть? Неужели тут не обошлось без миссис Синклер? Нет, это самое невероятное. Пропахшая капустой нищая старуха из Чипсайда – на деле могущественная колдунья, а безумные каракули на обрывке рукописи – заклинание, которое открыло коридор в другую эпоху?

Идя с Софией по городу, Джейн смотрела по сторонам и старалась всему найти разумное объяснение. Стальная карета – Джейн приняла за чудесную колесницу обыкновенный паровоз. Однажды в Лондоне, когда ей было двадцать лет, они с папенькой проехали пятьдесят ярдов в паровой повозке Мердока. Из трубы валил клубами тяжелый серый дым. Джейн, пораженная, спросила машиниста, как все это работает. Тот сперва смешался, а потом сказал преподобному Остену, что его дочь говорит дерзости и что женщинам вообще не пристало задавать такие вопросы. Потом отцу пришлось взять в библиотеке книгу, чтобы Джейн сама прочла, как устроен паровой двигатель. Загадочная подвижность этих железных повозок, вероятно, тоже объяснялась действием пара. Правда, дым не шел, но, возможно, это была какая-то особая модель – французская, наверное.

То, как сильно изменился облик города, тоже по зрелом размышлении не казалось невероятным. Видимо, сооружения из стекла и стали возникли, пока Джейн бродила по лесу. В Бате всегда обожали новшества, и ради моды местное дворянство способно горы свернуть за один день.

Озираясь в поисках нового предмета для подобных логических упражнений, Джейн вдруг услышала пронзительный свист ветра. Она посмотрела вверх и увидела птицу в блестящей белой стали вместо перьев. В длину это существо было, наверное, не меньше, чем Сидни-Хаус, вмещавший двадцать четыре квартиры. Птица пронеслась по небу на высоте многих тысяч футов. Ранее тем же утром Джейн видела еще одну особь этого вида. Да, здесь логика заходила в тупик. Чем объяснить то, что по небу с шумом носится стальная птица в тысячу раз больше страуса?

В следующую секунду Джейн ударила себя по лбу. Для всего есть объяснение, причем простое: она сошла с ума! Теперь уже окончательно осужденная на безбрачие, всеми презираемая, она преждевременно впала в старческое слабоумие. Уподобившись той женщине, что стояла на Столл-стрит, сочиняя стихи за шиллинг, с кастрюлей на голове и пятнами соуса на шали, Джейн бежала от холода стародевичества под пестрое одеяло безумия. Несомненно, разбитое сердце кого угодно доведет до помешательства. Теперь Джейн понимала, что все это только пригрезилось ей: и путешествие в Лондон, и миссис Синклер, и танец с очаровательным мужчиной. Разум, борясь с одиночеством, прибегал к уловкам.

Итак, если Джейн осознала свой душевный недуг, то как же ей теперь следовало себя вести? Дамам, страдающим истерией, обыкновенно советовали съездить к морю, а потом их впахивали в карету, запиравшуюся снаружи, и везли не в Брайтон и не в Лайм, а в Бедлам. От такой прогулки Джейн предпочла бы воздержаться. Нужно действовать и говорить как можно более здраво, чтобы привлекать к своему безумию как можно меньше внимания. Если ее новая подруга София не видение, то в присутствии этой дамы следует делать вид, будто ничего не случилось, и соглашаться со всем, что та ни скажет, за исключением предложений поехать в Брайтон (их надлежало вежливо отклонять).

– Вам, наверное, хочется домой, – сказала София, – в ваше время?

– В самом деле. – Джейн осторожно кивнула. – Я не подумала о возможности возвратиться.

– Вы должны вернуться как можно скорее, чтобы писать книги.

Джейн остановилась:

– Какие книги?

– Как какие? Ваши. Романы Джейн Остен.

Джейн молча раскрыла рот.

– Идемте же. – София зашагала дальше. – Кстати, вы знали, что я снимаюсь в экранизации одного из ваших произведений?

– В чем, простите?

– В экранизации одного из ваших произведений. Романа «Нортенгерское аббатство».

Джейн покачала головой:

– Прошу прощения, но я снова вас не понимаю.

Они вошли в коттедж из белого камня под тростниковой крышей. София отперла дверь и пригласила Джейн войти. Джейн улыбнулась: уют этого жилища напомнил ей обстановку пасторского дома в Гемпшире, где она выросла. Правда, некоторые предметы мебели, сделанные из стекла и железа, выглядели странно, зато в гостиной был славный камин, а одну из стен полностью занимали чудесные книжные полки.

– Я здесь не по собственному выбору, – сказала София, швырнув свой гигантский ридикюль на подоконник. – Это дом моего брата. Но на первое время сгодится. – Она ушла в дружную комнату и вернулась со стопкой книг, которые разложила на столе. – Продюсер подарил их мне, когда я согласилась сниматься. Я, честно говоря, предпочла бы ювелирку, ну да ладно... Красивые книжки. Первые издания.

На секунду в комнате воцарилась полная тишина. Перестав дышать, Джейн переводила взгляд с одного тома на другой. На всех шести обложках стояло одно и то же имя.

- Боже правый! – Комната закружилась.
- Да уж, – отозвалась София. – Здорово, правда?
- Могу я присесть?
- Конечно, кидайте кости.

Не совсем поняв смысл этого выражения, Джейн дрожащей рукой придвинула к себе стул. Из всех шуток, какие сыграл с ней помутившийся разум, эта, безусловно, была самой злой. Стать настоящим писателем и публиковать свои романы... Ни о чем другом она так страстно не мечтала, и дразнить ее этим было жестоко. Видя собственное имя напечатанным, она словно получала ответ на вопрос, который ее душа повторяла на протяжении последних двадцати лет.

Джейн поддалась охватившему ее блаженству и довела его до предела. Пусть это была лишь игра больного ума, она имела право на минуту наслаждения. Имела право представить себе, что ее рассудок не помрачился и что она действительно, произнеся заклинание, совершила путешествие во времени. В том будущем, в которое Джейн попала, ее книги не отвергаются. Их печатают, и они стоят на полках в домах людей.

Она правильно сделала, решив сесть, потому что кровь отхлынула от ее головы и ей сделалось дурно. Моргнув, она взяла одну из книг и прочла написанное на обложке:

Эмма

Джейн Остен

На фронтисписе располагался акварельный портрет женщины лет около тридцати в платье костяного цвета и кружевном чепце, из-под которого выбивались завитки волос.

- Господи, – пробормотала Джейн, – это же я!

Нос был слишком велик, а глаза слишком круглы, и все же сходство казалось неоспоримым.

- Да, кастинг-директор подобрал вас удачно, – заметила София.

Джейн опять не поняла слов своей новой компаньонки. Впрочем, сейчас ее занимали еще более удивительные вещи.

– Я никогда не позировала для портрета в чепце. – Эта деталь показалась ей странным нарушением светских условностей, ведь только замужние женщины носили такие чепцы. Вглядевшись повнимательнее, Джейн узнала широкие мазки хорошо знакомой художницы. – Это Кассандра нарисовала.

Джейн была озадачена, даже заинтригована: она не помнила, чтобы сестра писала с нее этот портрет. И все же в том, чья это работа, сомневаться не приходилось.

- А кто такая Кассандра? – спросила София.

- Моя сестра.

– Ах да, конечно. Я знаю, – сказала София, выпятив пышную грудь, а потом, пожав плечами, спросила: – Ну так что? Пошли?

- Куда? – отозвалась Джейн, закрыв книгу.

- Куда-нибудь, где мы сможем найти ключи.

- Ключи? – повторила Джейн, все еще не в силах оторвать взгляда от книги.

София кивнула:

- Ну да, ключи. Подсказки, которые помогут вам вернуться в ваше время.

Глава 15

– Я думала, что уже не смогу испытать большего потрясения, чем давеча, – сказала Джейн. – Но я ошибалась.

Они пришли на Браун-стрит, к белому зданию в новом вкусе – в стиле короля Георга. По сероватому оттенку солнечного света Джейн поняла, что сейчас около трех пополудни. (В ее фантазии английское солнце светило так же разочаровывающе тускло, как и в действительности.) Оглядев фасад здания, Джейн заметила табличку: «Окунитесь в мир Джейн Остен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.